

Шнайдер Владимир
Шнайдер Герман

**Книжная серия
«Имена Алтая»**

выпуск четвёртый

ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8
Ш-76

12+

*Авторы выражают искреннюю благодарность
Экгардту Владимиру Фёдоровичу,
лично оказавшему помощь в издании книги.*

Редакционный совет:
О. Ф. Гришко, писатель; Е. Н. Ишутина, заведующая
отделом истории просвещения и литературного
наследия Алтая ГМИЛИКА; М. В. Кургалина, журналист.

Шнайдер В. А., Шнайдер Г. В.
Ш-76 Виктор Попов : биографический
очерк. — Барнаул, 2017. — 124 с.

ISBN 978-5-98550-??-?

Очерк написан и издан к 95-летию со дня рождения
известного сибирского писателя Виктора Николаевича
Попова (1922–1999 гг.).

ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8

*Все права защищены Законом РФ об авторских и смежных
правах. Перепечатка текста или любой его части без согласо-
вания с авторами запрещена.*

ISBN 978-5-98550-??-?

© Шнайдер В. А., Шнайдер Г. В.

Виктор Попов

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

Барнаул
Алтайский дом печати
2017

Оглавление

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	15
ГЛАВА III	35

ГЛАВА I

Виктор Николаевич Попов был личностью своеобразной и обладал незаурядным литературным талантом. В чём же выражалась его своеобразность? В первую очередь в том, что он был человеком равнодушным во всём — в дружбе, работе и, конечно же, литературе. И никогда, ни при каких обстоятельствах не шёл с совестью на компромисс. Даже в тех случаях, когда знал, что это принесёт ему определённые неудобства или неприятности. Примеры мы приведём в следующих главах очерка. Отличительной чертой его характера было и то, что он никогда и ничего не делал наполовину или спустя рукава, как говорится — на отказ, лишь бы отделаться. К слову сказать, Виктор Николаевич был одним из немногих писателей на Алтае, которые читали все художественные произведения местных писателей, выпущенные в Алтайском книжном издательстве. Чтобы знать, кто и в чём «вырос», кто и какую поднял тему, как выразил её, в чём поставил вопрос. Особый интерес вызывали произведения молодых, начинающих писателей. Авторов, подающих надежды, Виктор Николаевич оставлял в поле зрения и за их творчеством следил более пристально — ему было не безразлично, кто идёт на смену в литературе.

В 2017 году 1 июня Виктору Николаевичу Попову исполнилось бы 95 лет. Дата не круглая, но суть не в ней. Видимо, настало время, когда остро назрела необходимость рассказать о нём и его творчестве подробно. При жизни о Викторе Николаевиче не было написано ни

одного полноценного, развёрнутого очерка. В газетах и журналах публиковалось несколько интервью и статей к юбилейным датам, которые чаще всего не раскрывали читателям натуры писателя, склада его характера, причины избрания творческой направленности и других граней, как человека, так и писателя. Всё, написанное о нём до сего дня, — капля в море. Жизненный путь Виктора Николаевича и его творчество заслуживают, на наш взгляд, большего освещения, чем сухая информация в справочниках и энциклопедиях, изданных на Алтае: фамилия и названия основных произведений.

В этом очерке мы постараемся как можно ближе познакомить читателей с человеком, общественным деятелем, редактором, рецензентом и писателем Виктором Поповым.

Виктор Николаевич Попов появился на свет в Туле, одном из старейших городов России.

Родители его, несмотря на пролетарское происхождение, получили хорошее образование (по тем временам), благодаря чему при новой власти были востребованы как специалисты. Отец — бухгалтер, мать — учитель. Но работал, как тогда было принято, только отец. Маргарита Андреевна, как писал в автобиографии Виктор Николаевич, по состоянию здоровья находилась дома, а потому маленький Витя рос, окружённый не только родительской любовью, но и вниманием профессионального педагога, его образованием и развитием занимались, что называется, с пелёнок.

О дедах по линии отца и матери Виктор Николаевич никогда не говорил и не оставил никаких воспоминаний. Почему? Неизвестно. Это нам ещё предстоит выяснить. Сегодня мы вынуждены только плутать в загадках. Можно, например, предположить, что его бабушки и дедушки непролетарского происхождения, и он, по понятным причинам, скрывал это. Возможно, именно поэтому и в партию не вступал. Но, повторимся, пока всё это на уровне домыслов.

В семье любили книги, и мама каждый день что-нибудь читала сыну. Слушая, Витя уносился вслед за героями и вместе с ними уходил в дремучие леса, пересекал океаны и моря, бродил по необитаемым островам, мчался на мустанге по выжженным прериям, строил хижины и выходил на тропу войны... Увлечённый книжной романтикой Витя выучился читать в шесть лет, и с тех пор книга стала его самым близким другом на всю жизнь.

Отца Виктор Николаевич помнил плохо — его не стало, когда мальчику было лет семь-восемь. Мужское воспитание обеспечивал в этой семье брат матери, Сергей Андреевич, которого писатель вспоминал всегда с большим уважением. Это был человек разносторонне развитый и мастеровой. Верность слову, твёрдость характера, душевная щедрость — всё это у Попова «наследство» от «дяди Серёжи». А ещё с малых лет Виктор знал, что мужик в доме должен уметь всё делать своими руками — столярничать, плотничать, слесарить.

Здесь пора, наверное, вспомнить, что детство, отрочество и отчасти юность Попова прошли в удивительном городе. Город оружейников (как тут не упомянуть чудомастерового Левшу!), город самоваров, город пряников. Тула, по некоторым достойным доверия историческим хроникам, старше Москвы! Это, по сути, большой историко-архитектурный памятник — что ни дом, то история, а окрестности — легенды. Чего стоят Тульский кремль или здание бывшего Дворянского собрания, Новые торговые ряды или постройки Оружейного двора. А сколько в Туле старинных православных храмов: Успенский собор, церкви — Благовещенская, Николы Зарецкого, Вознесения, Петропавловская. Многие улицы ещё хранили следы Л. Толстого, В. Вересаева, П. Крылова, В. Поленова. А многочисленные легенды о промышленниках Демидовых? А Ясная Поляна? Эта толстовская усадьба расположена в 14 километрах от города. Но разве это расстояние для мальчишек, особенно когда узнали, что в Ясную приез-

жает сама Любовь Орлова! Побежали всей улицей. Жалко только, что артистку не сумели увидеть — опоздали. Таким образом, было Виктору что впитывать. И позже, в конце 80-х, в очерке «Торжество памяти» Виктор Николаевич признается, что воспоминания о Туле жили в его душе всегда: *«На родине, в древней моей Туле, я не был с войны. С лишним сорок лет. И все эти годы так хотелось, так щемительно хотелось прислониться к своему далёкому-близкому... Тоской по родине, которая живёт и надсадно бьётся в душе человека, оторвавшегося от отчих мест. Я успокаивал себя, что тоска пройдёт, что волнуют меня не те места, а прошлое, та беспечная, удалая пора, когда живёшь проходно, не задумываясь о времени... Свидание оттягивалось до тех пор, пока зудящая язвочка тоски не стала открытой раной...»*.

Осенью 1930-го, когда умер отец, мать, несмотря на тяжёлое заболевание, устроилась работать по специальности — педагогом. В этом же году пошёл учиться и Виктор. Сразу во второй класс, так как имел хорошую домашнюю подготовку.

В 1937 году болезнь окончательно разрушила здоровье Маргариты Андреевны — отнимаются ноги, инвалидность первой группы. Виктор оставляет дневную школу и становится кормильцем в семье. На его плечи легли не только забота о финансовом обеспечении, но и все домашние хлопоты: готовка, уборка, кормление и уход за мамой. В пятнадцать лет на завод не берут, потому и вынужден он был подрабатывать где придётся. В основном на стадионе и в театре на ролях «кушать подано». Казалось бы, ситуация аховая! Денег нет, на руках больная мама, за плечами семь классов образования. О личной жизни — кино, футболе, гуляниях с девочками и прочем — думать не приходилось. Но, наверное, из какого-то особого материала делались тогда людские судьбы и характеры. С учёбой всё решилось просто — вечерняя школа. Мама, хоть и лежащая, гирей на шее не висела. Наоборот, брала на себя всякую усиленную работу, умудрялась даже еду готовить. А в остальном и спорт был, и кино, и романтические встречи.

В 1939-м Виктор успешно окончил вечернюю школу. Из 13 предметов в аттестате по семи (в том числе по русскому языку и литературе) итоговая оценка — «отлично», а по остальным «хорошо».¹

Школа позади, аттестат на руках, и перед молодым, здоровым, полным надежд и желаний человеком открыта широкая дорога жизни. О продолжении образования в институте Виктор подумывал, но осуществить мечту, понимал, не получится. Материальное положение семьи в последние годы только ухудшалось, средств, вырученных с подработок, едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Нужно было срочно искать работу с постоянным и солидным заработком. И тут на помощь пришёл сосед — мастер Тульского оружейного завода — устроил Виктора к себе в цех. Ухаживать за больной мамой в своё отсутствие Виктор просил соседей.

В августе 1939 года в стране был начат перевод промышленности на мобилизационный режим работы. А что это значило на оборонном заводе? Суровая трудовая дисциплина, опоздание на двадцать и более минут — прогул (за который можно было получить до шести месяцев исправительных работ). Жёсткий контроль качества (случайный брак вполне мог по чьёму-то недоброму разумению обратиться «вредительством» и повлечь уже не полгода исправработ, а серьёзный срок в местах не столь отдалённых).

За два года Виктор освоил профессию слесаря-инструментальщика со свойственной ему упорностью и скрупулёзностью — до самых глубин. Ему, девятнадцатилетнему парню, был присвоен высший — шестой — разряд. Жить стало легче. О хлебе насущном уже не приходилось беспокоиться, а что до остальных потребностей, то в семье никогда не гнались за модными одежками и мебельными гарнитурами. Когда вот-вот наступит мировая революция, а с ней всеобщий коммунизм, кого интересуют пере-

¹ Из архива Кургалиной М. В. с подлинника аттестата.

житки прошлого и мещанство? А в мировую революцию, вспоминал Виктор Николаевич с некоторой долей умиления, он истово верил вплоть до самой войны.

Виктор, как и большинство граждан СССР, с напряжением следил за политической ситуацией в мире (интересоваться политическим положением в стране и мире он будет всю свою жизнь). Вопрос, нападёт ли Германия на СССР, для него, как и для миллионов других людей Советского Союза, был не праздный. Слегка успокаивали выступления руководства страны по радио и в прессе. Так, например, заявление ТАСС от 14 июня о беспочвенности слухов о возможности нападения Германии он принял с полной верой. А 22 июня грянула война.

Когда началась мобилизация на фронт, Виктор Попов, как специалист высокого разряда, был оставлен на заводе. Это называлось бронью. На фронт, конечно, рвался. 1922 год рождения, все друзья, одноклассники там. Но с завода не отпустили, потому что слесарь-инструментальщик — товар штучный, заменить было некому. Работать приходилось по 16-18 часов в сутки. Бывали дни, когда поспать удавалось два-три часа. Но роптать на судьбу Виктор не думал. Чувство долга перед Родиной подпитывало силы молодого человека.

Когда в октябре 1941-го враг оказался под городом, был сформирован Тульский рабочий полк, куда попал и Виктор Попов. В обороне Тулы он участвовал около тридцати дней, а когда врага отогнали, вернулся в цех.

Известно, что в войну продовольственные пайки для неработающих были намного меньше, чем для работающих, и Маргарите Андреевне полагался именно такой паёк. Он назывался иждивенческим (слово-то какое!). Возвращаясь со смены, Виктор не мог смотреть на худую, будто тающую мать. И пускался на хитрость: приносил домой свой паёк, врал, что это какой-то дополнительный, и уверял маму, что сам поел на заводе, в столовой.

В конце 1941 года Тульский оружейный завод эвакуировали в город Златоуст на Урал. Вместе с оборудовани-

ем и станками была отправлена в Челябинскую область и часть специалистов.

На новом месте работать приходилось в более напряжённом режиме. Расставить оборудование и начать выпускать жизненно важную для фронта продукцию нужно было в кратчайшие сроки. Станки переставали выдавать продукцию только в дороге. Их отключали перед погрузкой на платформы и включали снова, как только стужали в цеха в Златоусте. Хотя цеха — это условно: площадки, окружённые опорами. Стены и крыша завода только ещё строились. Холод пробирал до невозможности, грелись у костра кипятком и вновь принимались за работу.

Здесь же, на Урале, Виктор Николаевич похоронил маму. Болезнь, плохое питание, тяжесть военного быта сделали своё черное дело, и в январе 1943 года Маргариты Андреевны не стало. Умер единственный на всём свете близкий человек. Теперь бы оплакать, погоревать. А не получилось. Во всей жуткой неприглядности встал простой житейский вопрос — как похоронить маму. И решить его пришлось «по законам военного времени». Его, этого времени, по сути, не было. Было только два часа между рабочими сменами. И, посадив во что-то укутанную дорогу покойницу в обычные санки, Виктор едва не бегом отправился на кладбище. А это пять километров за городом. Там, сунув какие-то деньги кладбищенскому сторожу и попросив «похоронить по-человечески», оставил санки и — бегом обратно. Опаздывать на работу было невозможно, во время войны даже такая причина уважительной для опоздания не являлась. Когда позже выдалось время и Виктор снова отправился на кладбище, ничего узнать не удалось, кроме как «где-то там, в общей могиле». Так до самого конца и сидела занозой в сердце эта боль, так и не знал Виктор Николаевич, где лежит мама...

Забывать о потере помогала работа. Долгие смены не тяготили — помогали. Домой теперь ему спешить было не к кому, а поэтому часто оставался спать в цехе. Что время

на дорогу тратить? Прилёт где-нибудь рядом со станком в куче тряпок, отоспался — и опять за работу. После окончания войны Виктор Николаевич, слесарь цеха № 10 завода № 66, в сентябре 1945 года был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».²

В феврале 1946 года Виктор и двое товарищей-заводчан впервые за несколько лет получают отпуск и едут в Ялту отдыхать и наслаждаться жизнью. На Урале февраль обстуживает морозами углы домов, а в Ялте можно ходить в костюмчике — благодать! Климат, море, природа. И главное, первый за всю жизнь отпуск, деньги жгут карманы. Ведь он — высочайшей квалификации слесарь, заработки соответствующие. В ялтинском ресторане первый раз в жизни ел устриц. (И последние, кстати сказать, не понравились). Этой поездкой, как мы понимаем, была реализована мечта о путешествиях, которую заронили в душу книги в детстве. К тёплому морю, пальмам и тёмным южным ночам. Потом в жизни Виктора Николаевича было ещё много путешествий, даже странствий. Но тёплых морей больше не было. Был Алтай, много Алтая. Так, как Виктор Николаевич, его вряд ли кто изъездил. И он крайне неохотно выбирался за его границы, разве что по служебной надобности. И было холодное море — Охотское. Но это мы сильно устремились вперёд, а ведь ещё даже не приступали к рассказу о том, как и почему рабочий парень стал писателем.

В начале 1946 года заводская многотиражка «За Родину!» объявила конкурс на лучший очерк на производственную тему. Виктор расстарался, и его творение было замечено редколлегией. Более того — премировали и предложили работать в газете. Так слесарь-инструментальщик Виктор Попов стал газетчиком.

Новому делу Виктор, как и свойственно было его натуре, отдался весь. Заметки и статьи на производственную

² Справка № П-103 от 22.05.1989 г. из Государственного архива Челябинской области, из архива Кургалиной М. В.

тому проходили в печать легко, а очерки отклонялись. Писать хотелось красиво, «с фразами», как в книжках. Началось хоть иной раз и красиво, но не по делу. Неудачи выбивали из колеи, а ума-разума в многотиражке набраться было не у кого. Недолго думая, Виктор уходит из газеты, уезжает в Свердловск и устраивается работать воспитателем в рабочее общежитие Верх-Исетского завода. Тут две причины. Одна совершенно прозрачная — надо же где-то жить. А вторая не столь явная, но вполне укладывавшаяся в магистральный путь. Путь, как надо понимать, в литературу. Ведь был же Макаренко, педагог и писатель. Виктору казалось, что здесь, в рабочем общежитии, он и разглядит характеры, напитается жизненными примерами, изучит человеческие души.

В августе 1946 года Виктор поступает в Уральский госуниверситет. Вот как он об этом вспоминал много лет спустя: «... Война кончилась, приятели пошли в вузы. Мой приятель, коллега по газете, как-то в разговоре похвастался, что поступает в университет. А я ему сказал, что могу туда поступить без подготовки. И поступил...».³ Вступительные экзамены были сданы успешно: сочинение на «хорошо», русский язык — «отлично», география с историей народов СССР — «отлично», иностранный язык — «хорошо».⁴ Сбылась мечта — зачислен на отделение археологического факультета. А почему именно на археологический? Потому, что археология — это поездки, раскопки, познание нового, открытия. Романтика, одним словом.

Для сохранения исторических данных укажем, что в Свердловске Виктор Попов проживал по адресу: ул. Кирова, 34-36А.

Учёба нравилась, да и студенческая жизнь была по душе. Особенно диспуты на разные темы. Казалось: впе-

³ Газета «Вечерний Барнаул» за 09.01.1997 г. Рубрика «Гость номера», статья «Колыма, перевал «Подумай».

⁴ Экзаменационный лист № 498 из личного архива Кургалиной М. В.

реди только светлое и радостное будущее. Планы, надежды — всё это хорошо. Но человек предполагает, а Бог располагает. Вскоре обстоятельства сложились так, что ему пришлось оставить университет.

Уход из университета Виктор Николаевич объяснил позже: «... Никто почему-то не помнит, что в сентябре 1946 года все цены в нашей стране поднялись в четыре раза, то есть всё подорожало на 400 процентов. Я получал ежемесячную стипендию в размере 180 рублей. А завтрак, обед и ужин в студенческой столовой стоил 480 рублей в месяц. Отец и мать мои умерли. Помощи ждать неоткуда. Чтобы продолжить учиться и элементарно не умереть с голоду, я стал подрабатывать на железнодорожной станции, разгружал вагоны. Но что толку? За три дня работы мне заплатили 75 рублей. И всё. Дальше учиться не было возможности...».⁵

Из университета он ушел сначала на радио (журналистика всё-таки не отпускала!), а в мае 1947 года круто изменил свою жизнь — подписал договор с Дальстроем МВД СССР сроком на три года и отправился работать в должности курсанта на Крайний Север в Магадан. Почему на Север?

Это потом у Высоцкого он услышал:

*Мой друг уехал в Магадан,
Снимите шляпу, снимите шляпу.
Уехал сам, уехал сам.
Не по этапу, не по этапу.
Не то, чтоб другу не везло,
Не чтоб кому-нибудь назло,
Не для молвы, что, мол, чудак,
А просто так, а просто так.*

Ну, конечно же, не просто так. Это сейчас для нас Колыма — это лагеря, 58-я статья, ГУЛАГ. А для Виктора Николаевича это звучало совсем по-другому. Это был Север. Белое безмолвие, собачьи упряжки, сырая медвежатина,

⁵ Газета «Вечерний Барнаул» за 09.01.1997 г. Рубрика «Гость номера», статья «Колыма, перевал «Подумай».

золотая лихорадка — край для настоящих мужчин. Всё, что представлялось ему, когда зачитывался Джеком Лондоном. «Богоподобный Джек, при упоминании о котором у меня перехватывало дыхание и мелко тряслись поджилки», — писал позже Виктор Николаевич.

И именно в Магадан рванул молодой и перспективный парень, по доброй воле рванул туда, куда ехали в основном по приговору суда.

Г Л А В А I I

В Магадане Виктор намеревался стать горным мастером, как написано было в договоре. Но произошёл неожиданный поворот — администрация Дальстроя использовала (вернее сказать, применила) пункт седьмой трудового договора, в котором было сказано: *«Дальстрой вправе переводить нанявшегося на работу... из одного предприятия Дальстроя в другое...»*.⁶ Дело, по-видимому, обстояло так. Интеллигенты в те годы добровольно на Север не ехали, а тут прибыл молодой человек, имевший опыт работы в газете. Клад, да и только! И Виктора быстро направили работать в газету «Советская Колыма» сначала собственным, затем специальным корреспондентом. Журналист на Колыме был не просто журналистом, а сотрудником Политического управления Дальстроя МВД СССР. Удостоверение журналиста выдавалось на бланке МВД СССР, и подписывал его заместитель начальника Политуправления Дальстроя (в случае с Поповым — подполковник Лифанов). И так же, как сотрудники МВД, газетчики (в целях личной безопасности) имели табельное оружие с разрешением постоянного ношения и даже персонального денщика. Такая вот специфика работы в золотодобыва-

⁶ С оригинала из личного архива Кургалиной М. В.

ющем крае. (Кстати сказать, секретность была такая, что слово «золото» упоминать в газете запрещалось цензурой, а писали: «На прииске «Маршальский» добыто столько-то «металла № 1»).

И неудивительно, что именно там, среди дикой природы и сурового климата Виктор получил уроки «практической психологии». Ведь на Севере всё и все на виду. Подлость, малодушие, мелкотравчатость не скроешь. А такие понятия, как верность людям и данному слову, справедливость, честь и долг, рельефны и ненапыщенны.

Работа в «Советской Колыме» дала будущему писателю многое в плане познания внутреннего мира человека, его психологии. Научила видеть в человеке глубоко скрытые чувства, понимать не только действия и взгляды, но и распознавать, что кроется за словами и тоном. Видимо, поэтому людям с камнем за пазухой и с нечистыми помыслами было крайне неуютно общаться с Виктором Николаевичем, и они никогда не задерживались рядом с ним. Понимали — раскусил и видит насквозь.

Тем, кто не жил в те годы, сложно, даже, можно сказать, невозможно представить, что такое трудиться бок о бок с людьми, среди которых есть тот (и, возможно, не один), кто улыбается тебе, дружески похлопывает по плечу, а сам выискивает в каждом сказанном тобой слове крамолу и готов написать на тебя донос.

О сложностях жизни и человеческих взаимоотношений колымских лет, а также о жёсткой цензуре и репрессиях Виктор Николаевич напишет в рассказе «Свобода», опубликованном в журнале «Алтай» во втором номере за 1991 год. Несколькими годами позже он продолжит колымскую тему в повести «Колыма. Нелагерная тема», опубликованной в журнале «Алтай» в 1997 году. Кстати, в этой же повести он покажет своё становление как журналиста.

В колымский период, как нам представляется, Виктор Николаевич готовился к работе в большой литературе. В своих газетных материалах он создавал характеры людей более выпуклыми, красочными, чем того требовал

жанр. А действия героев или описания природы превращал в настоящие рассказы. Потому очерки и статьи тех лет по стилю больше походили на рассказы. Одним словом, Виктор Николаевич оттачивал перо. И постоянно много читал. Не только художественную литературу, но и техническую, научно-популярную и историческую. Начитанность и знание разных областей жизни были хорошими помощниками в журналистике, а в дальнейшей литературной жизни это ему помогло стать одним из самых крепких, грамотных и востребованных редакторов, которых на Алтае можно было насчитать не более полдюжины. Через руки Виктора Николаевича прошли сотни рукописей, и каждую, не считаясь со временем, он прорабатывал и вычищал до последнего грамма шлака. С его рецензией рукопись в издательстве принималась без сомнения. Знали, что под острым и чутким пером его не проскочит ни одна «блоха».

Но это в будущем, а пока Виктор Николаевич колесил по суровой колымской земле, писал материалы для газеты и копил опыт.

Именно в тот период жизни он понял цену дружбы, немногословного мужского братства. Если с кем завязались у него дружеские отношения, то верней и надёжней человека, чем Виктор Николаевич, было не найти. Случись у друга беда, он помогал всем, что в его силах, отдавал последнее, доходил до самого верха власти, невзирая ни на какие преграды. Это одна из сторон его характера, которую ценили и уважали даже недоброжелатели.

Нужно отметить, что о времени работы Виктора Николаевича в «Советской Колыме» можно написать целую книгу, потому как там что ни день, то случай, а то и несколько. И все они представляют интерес — юморные, героические, печальные, настораживающие. Память писателя все их, конечно, не удержала, но большинство осело в ней навсегда. Был, например, случай такой. В самом начале Виктору Николаевичу довелось попуткой (по-другому там в те годы и нельзя было) добираться из

пункта А в пункт Б. Расстояние — километров триста. Водители, как правило, все из бывших заключённых. Часть пути прошла нормально. Молодой неопытный журналист в разговоре нечаянно задел водителя за живое, и «... он остановил машину и смотрит на меня, а взгляд такой, что у меня, я не отношу себя к робкому десятку, неприятный холодок по спине побежал. Я тоже смотрю на него, а боковым зрением вижу руки — они трясутся... Сотня километров вперёд, столько же назад. Мороз. Снег. Никто тебя искать не будет, потому что никто не узнает: когда и с кем ты поехал...».

Был ещё и такой случай: «... Как-то я слёг с аппендицитом. Запустил его страшно, и у меня началось воспаление. Положение было действительно критическое.

Привезли меня в управленческую больницу. Главным врачом там был Моисей Юльевич, талантливый человек, попал на Колыму по первому делу кремлёвских «врачей-убийц». Так называемое «дело Плетнёва — Левина». Так вот, меня привезли к нему. И сразу — на операционный стол. Он после операции несколько ночей не отходил от меня. А потом, когда я выздоровел, признался: «Ты был на волосок от смерти. Представляешь, если бы ты вдруг умер. Как бы тогда повернули дело? Корреспондент «Советской Колымы», работник Политуправления — умер от аппендицита? Кто мне поверит, что это был тяжёлый случай? Представляешь, что меня ожидало?».⁷

На Колыме Виктор Николаевич встретил свою любовь — Зою Михайловну Александрову. Она прямо с факультета журналистики Казахского государственного университета отправилась на Крайний Север, работала в Магадане на областном радио. Правда это или нет, что браки заключаются на небесах, но без вмешательства свыше явно не обошлось. Иначе как могли встретиться на Колыме два человека, так подходящих друг другу? Проявлялось это в одинаковых воззрениях на честь, верность дружбе и данному слову, в чётком понимании границ справедливости, добра, правды и лжи, а также требовательности

⁷ Газета «Вечерний Барнаул» от 09.01.1997 г.

к себе. Ну и, естественно, в любви и преданности своему делу. И ещё в том, что оба ни при каких обстоятельствах не вступали в сделку с совестью.

Когда закончились сроки их договоров с Дальстроем, Виктор Николаевич с Зоей Михайловной перебрались «на материк». В декабре 1951 года оба взяли отпуск с последующим увольнением и направились для начала в Казахстан к родственникам Зои Михайловны.

Интересно семейное предание о том, как они уезжали с Кольмы. Приключение было, как в авантюрном романе, и излагалось потом со всеми леденящими душу подробностями. Во-первых, оба получили расчёт, а это деньги немалые, во-вторых, хоть и забирали с собой только самое необходимое, образовались всё-таки два объёмистых чемодана. А ещё купили Виктору Николаевичу кожаное пальто на барахолке. И вот — ночь перед теплоходом (добирались до Владивостока на теплоходе, иначе никак). Ночевали у Виктора Николаевича на казённой квартире, где, как принято было тогда в Магадане, стояли на окнах железные решётки. К окну не подходили, спать не ложились, потому что были на Севере не новичками и готовы к неожиданностям. И они не заставили себя ждать.

Глубокой ночью раздался стук в дверь: патруль, проверка документов. Открывать никто не торопился, тогда раздался добродушный голос: «Да открой, лейтенант, не бойся, мы, правда, с проверкой». А за «лейтенанта» урки приняли Виктора Николаевича, когда днём «пасли» его по городу и видели роскошное «лётчицкое» кожаное пальто. Тут они поняли, что номер не прошёл, и попытались вышибить дверь. «Буду стрелять!» — пригрозил Виктор Николаевич. Пистолет у него был тогда с собой, его полагалось сдать на «материке». Позже Виктор Николаевич вспоминал, что в случае необходимости он был готов применить оружие. Но, к счастью, делать этого не пришлось. Нападавшие удалились, громко матерясь и угрожая. Спать, конечно, уже никто не пытался. Когда утром отправились в порт, двигались таким порядком: впереди Зоя Михай-

ловна с двумя чемоданами, а прикрывал её Виктор Николаевич, держа в кармане руку на пистолете.

Итак, Виктор Николаевич и Зоя Михайловна покинули Колыму. Отпуск проходил не только в отдыхе, но и в раздумьях — где обосноваться на жительство? Страна огромная, выбор богат, и им, молодым, здоровым, куда бы ни приехали, а везде начинать придётся с нуля. Конечно, можно в Москву, Ленинград, можно на самый край России, хоть в Калининград... После долгих обсуждений, взвешиваний «за» и «против» молодая семья выбрала Алтай. Почему именно Алтай? Ни Виктор Николаевич, ни Зоя Михайловна особо тему не развивали, но, похоже, решающим оказалось, что это — целина, и что Алтай ближе всего к Усть-Каменогорску, где Поповы тогда гостили у родителей жены.

По приезде в Барнаул семья поначалу жила на съёмной квартире. Зоя Михайловна устроилась корреспондентом в газету «Алтайская правда». Виктор Николаевич сначала стал редактором в недавно созданном Алтайском книжном издательстве. Точная дата его устройства в издательство — 13 ноября 1952 года. Но то ли зарплата была неподходящая, то ли кабинетная работа пришлась не по характеру, в двадцатых числах сентября 1953 года Виктор Николаевич уволился и стал ответственным секретарём в многотиражной газете «Строитель». Не исключено, что переход с «тёплого» места на суетливую журналистскую работу явился продолжением творческого поиска. За чтением чужих рукописей жизнь не познаешь и опыта не приобретешь, тем более что рукописи порой попадались откровенно слабые и работа с ними была сущим наказанием.

Решение одобрила и Зоя Михайловна. Нужно отметить, что в семье у Поповых каждый серьёзный шаг обсуждался на семейном совете. Правило было такое: всё, что связано с семьёй, решаться должно сообща. А тут случай был особый. 11 сентября родилась дочь Маргарита (названа в честь мамы, Маргариты Андреевны), а 19 сентября

Виктор Николаевич уволился. И жена одобрила. Хотя момент, с житейской стороны, не особо удачный: грудной ребёнок, Зоя Михайловна в декрете, с деньгами плоховато. В издательстве служба с девяти до шести, выходной — дома. А в газете рабочий день ненормированный, возможны командировки. Но всё же Виктор Николаевич ушёл в газетчики с согласия жены.

Должность ответственного секретаря газеты несколько отличается от должностей рядового журналиста или заведующего отделом — больше с чужими материалами приходится работать, но, тем не менее, статьи, заметки, а иногда и очерки Виктора Николаевича время от времени публиковались и в «Алтайской правде», и в «Сталинской смене». Получалось у него, как в народной поговорке: писал редко, но метко. В статьях поднимал злободневные темы и, как говорится, бил не в бровь, а в глаз. Хороший журналист всегда в цене. Виктора Николаевича заметили и в конце 1955 года пригласили в краевую газету «Сталинская смена» — с 1956-го года газета стала называться «Молодёжь Алтая».

Газета краевая, соответственно и зарплата в ней (что для семейного человека дело не последнее) несколько выше, да и поле деятельности гораздо шире — весь край!

Приглашён Виктор Николаевич был на должность литсотрудника. Затем его назначили завотделом писем, а через некоторое время ответственным секретарём. В эти же годы молодая семья Поповых получает свою первую в Барнауле квартиру в доме № 2 по улице Новой (ныне проспект Строителей, 22). В полуподвале, правда, но зато отдельная квартира, две комнаты. Из этой квартиры маленькая Маргарита, поставленная отцом на подоконник, наблюдала приезд в Барнаул Никиты Сергеевича Хрущёва.

Казалось, всё складывается прекрасно — трудись и радуйся. Но далеко не каждому редактору нравятся материалы, после публикации которых то из райкома позвонят, то из горкома, а то и вовсе из крайисполкома. К тому же работник, имевший и умевший отстаивать свою точку

зрения, был, мягко говоря, не совсем удобен. Особенно когда его точка зрения не совпадала с мнением вышестоящих партийных органов. А мы уже знаем, что Виктор Николаевич никогда не шёл на компромисс с совестью и, если был прав, шёл до конца. История умалчивает, из-за чего у ответственного секретаря Попова и главного редактора сложились неприязненные отношения. Главный редактор, пользуясь властью, стал вмешиваться в работу — снимать без согласования материалы, подготовленные в номер, заменять их другими. Такого Виктор Николаевич, конечно, позволить не мог. В результате возникали конфликты.

В 1959 году Виктор Николаевич после семейного совета уволился из «Молодёжи Алтая» и, так сказать, перешёл на вольные хлеба. Был этот разговор нелёгким, но в результате было принято эпохальное решение: он становился профессиональным литератором. То есть отныне на жизнь намерен был зарабатывать литературным трудом. Даже в наши дни решение остаться без постоянного заработка не такое уж лёгкое, а тогда, казалось, и вовсе выбивало почву из-под ног. Одна зарплата Зои Михайловны, маленький ребёнок и туманные перспективы будущих гонораров за ещё ненаписанные книги. Но, по-видимому, оба верили в его талант. Он не мог не писать, а она безгранично ему доверяла.

В этом же 1959 году в Алтайском издательстве вышел сборник очерков об алтайской деревне «Новая ступень». Одним из авторов был Виктор Попов. Его очерк «Как это начиналось» о жителях села Новые Ярки (колхоз «Россия», Каменского района) больше похож на рассказ, нежели на очерк. Рекомендуем читателям прочесть его — уходит одним глотком.

А в альманахе «Алтай» в № 17 опубликовали большой очерк Виктора Николаевича «На партсобрании». О сельских тружениках, их делах и заботах. Автор преподносит картину не как зритель со стороны, а будто сам был участником события. И все те вопросы, которые решали герои, близки и ему.

В 1959 году Виктор Николаевич начинает работу над книгой публицистики. Что подвигло автора на этот труд — одному Богу известно. Возможно, хотелось подвести итог определённого журналистского пути, а может быть, собрать всё самое ценное (на его взгляд) под обложку. Ведь в книге очерк воспринимается читателем совсем по-иному, нежели в газете или альманахе. Автор составил заявку в издательство (это было необходимо, чтобы включить книгу в план выпуска — заложить в бюджет расходы на бумагу, краску и т. д.). В конце 1960 года книга «Алтайские были» сдана в издательство, а в следующем году вышла в свет. Одиннадцать разноплановых очерков: «Сказка» — о целинниках, «Ошибка следователя», «Семья», «От семи до полуночи» — о железнодорожниках, «Заварилось дело!» — о расширении мебельной фабрики в Барнауле. Совсем разные сюжеты, но суть одна — честь, справедливость, достоинство, ответственность. Пересказывать каждый очерк неинтересно будет, а вот извлечь несколько отрывков, думаем, будет показательно.

Говоря о серьёзных событиях и делах, Виктор Николаевич мастерски вплетает нить юмора, которая не сбивает ритм и суть, а наоборот — украшает. Очерк «От семи до полуночи», страница 145: *«... Расшумелся человек, устроил на Привокзальной площади матч вольной борьбы с собственной супругой, сгоряча даже против дружинников принял боевую стойку...»*. Или вот вам летний день: *«... Вот и нынче — ясноглазый июльский денёк»*. Ничего особенного, но и ничего лишнего — один штрих заменил целую картину. Или ворчание героя из очерка «Этапы пути»: *«Согласитесь, что это — сплошное безобразие. Пока дождёшься поезда, закочнешься. А вагон... разве это вагон?.. Бренчит, как балалайка»*. Профессиональное решение — герой сам, своей речью создал собственный портрет. Прочитаешь, и перед глазами оостыжившийся, недовольный пассажир. Вот он, пример мастерства. И таких примеров в «Алтайских былях» очень много.

После выхода книги некая Т. Блажнова написала на сборник рецензию «На ноту выше». Передать смысл ре-

цензии сложно, потому что автор одни очерки хвалит скороговоркой, другие хаёт. Затем быстро закругляется, обвинив издательство: «То, что «Алтайские были» вышли неполноценными — в первую очередь вина издательства».⁸

В это же время в издательстве готовился к выпуску сборник очерков «Твёрдой поступью», редактором и одним из авторов которого был В. Попов. Из среды журналистов вышло много писателей, но очень мало кто из них, став писателем, продолжал так же плотно заниматься публицистикой, как и литературой. Виктор Николаевич практически до конца своих дней был и писателем, и журналистом.

В названном сборнике Попов опубликовал очерк «Летопись рекорда» — о знатном целиннике-кубанце Иване Даниловиче Рыбченко из Табунского МТС. Очерк создавался долго, прорабатывалась каждая деталь, каждая сцена, не говоря уж о характере героя и окружавших его людях. Виктор Николаевич несколько раз выезжал в Табуны для встречи с героем, выходил с ним в поле, скрупулёзно вникал не только в профессию комбайнёра и устройство машины, но не оставлял без внимания всех, кто шёл с ним бок о бок. Такое впечатление, что автор как минимум инженер машинно-тракторной станции.

Весной 1962 года Алтайское книжное издательство обратилось к Виктору Николаевичу с просьбой отредактировать книгу очерков журналиста «Алтайской правды» Ивана Меликова «Степные рыцари». Почему именно к Попову? Сам автор того пожелал. Он принёс в издательство сорок с лишним очерков, написанных с 1947 по 1962 год. На его взгляд, они все подходили для книги, а редакторы не соглашались. Выручил, как нередко бывало, Виктор Николаевич. Ему, как и остальным рецензентам, было очевидно, что напечатать всё под одной обложкой невозможно, очень уж неравнозначными были очерки. Но там, где другие редакторы с большим или меньшим пылом

⁸ Альманах «Алтай» № 2, 1962 г., стр. 143—147.

отстаивали свою точку зрения, Попов предпочёл «сесть рядком да поговорить ладком». Они с автором разобрали всю эту массу очерков, оценили достоинства, согласились, что считать недостатками, и пришли-таки к правильному решению. В результате получился крепко сбитый, интересный сборник, куда вошли тринадцать очерков. Чудо заключалось в том, что и журналистское мастерство автора проявилось, и очерки друг друга дополняли, создавали как бы единый образ «Степных рыцарей».

Обратим внимание на сборник рассказов и очерков В. Попова «Земля и совесть», который был издан в 1968 году. Рассказа два, очерков — шесть. До этого все они уже печатались — в газетах, альманахе «Алтай». Но периодика — это одно, а книги — другое. Если в 1963 году на очерк «Земля и совесть» отозвался только редактор книжного издательства А. Баздырев, то те же очерки, опубликованные в сборнике, задели за живое многих. Их обсуждали в газете «Алтайская правда», в журналах «Книжное обозрение» и «Сибирские огни».

Не меньшее внимание было уделено и сборнику «Дорога в жизнь» (Барнаул, 1968), составителем и одним из авторов которого был Виктор Николаевич. Оригинален сборник тем, что первая часть его посвящена известным на Алтае людям-труженикам, а вторая — производственным предприятиям и профессиональным училищам. Вместо предисловия статья Виктора Николаевича «Градус уважения» о мастере тульского завода Григории Афанасьевиче Лукьянове. Вчитайтесь: «... Григорий Афанасьевич же работал вдохновенно. Он не притирал деталь, он священнодействовал. Оселок касался поверхности легко и скользил по ней, оставляя на пере чуть заметные полоски. Нет, пожалуй, он не скользил, он летал над деталью, и лишние микроны отделялись сами собой... Часа два оселок ласкал деталь, два часа священнодействовал мастер. Наконец контрольные кольца показали: стоп! Григорий Афанасьевич сунул руку в карман». На первый взгляд, обыкновенные слова. Да. Но сказаны

они от души, с любовью, теплотой. Потому и характер мастера Григория Афанасьевича видится.

Первым на сборник откликнулся Иван Березюк в «Алтайской правде» от 23 апреля 1968 года. Так об очерке «Земля и совесть»: «Видимо, каждому знакома радость встречи с интересным человеком. Такую вот радость и пережил я, когда читал очерк «Земля и совесть» из одноимённой книги В. Попова... В. Попов нарисовал достаточно объёмный портрет незаурядного совхозного вожака, показал, в чём она, эта незаурядность...». Дальше: «Повезло очерку «Ордер». Сделан он добротню, крепко, как хорошая песня, из которой, как известно, слов не выкинешь...». Следующее: «Очерки написаны в разное время. И, встретившись в сборнике, приобрели силу особой убедительности. Это от того, что они дополняют друг друга, новый очерк — новая грань проходящей через книгу ведущей идеи: каждый работник да будет мыслителем. И в этом — актуальность сборника... книга воспринимается как приглашение к раздумью...». Отмеченные недостатки: «В. Попов не скупится на яркие, интересные детали. Однако, когда и передний, и дальний планы выписаны с одинаковым тщанием, трудно уследить за мыслью автора; обилие красок утомляет, и очерки в несколько страничек представляются нарочито растянутыми, рыхлыми, что ли...». В завершение критик пишет: «Но пусть читатель не принимает эти замечания за ту ложку дёгтя, которая и бочку мёда одолевает. В целом о сборнике без всяких натяжек можно сказать смело: удался...».⁹

Совершенно иного мнения о книге был критик В. Побожий, опубликовавший в журнале «Сибирские огни» № 5 за 1969 год статью «Сквозь призму шаблона». «Что такое «совесть хлебороба», как она «прилагается» к сложным, меняющимся условиям жизни современной деревни, что интересного и нового в жизни советского крестьянина — вот этический угол зрения и та нелёгкая задача, которую взял на себя автор книги «Земля и совесть», — так автор начинает свою статью. Затем выказывает недовольство по поводу того, что По-

⁹ Из личного архива Шнайдера В. А.

пов пишет о знатном чабане — бывшем военнопленном (очерк «Коммунист»), талантливом агрономе (очерк «Две встречи»), инициативных людях с творческим складом ума и т. д. Далее: *«Да, всё это важные проблемы жизни современной деревни, и, чувствуется, автор хорошо знает, о чём нужно писать. Плохо только, что, стремясь вступить в бой, он словно бы находится всё время «во втором эшелоне», всё время опаздывает — иначе отчего же никак не можешь отделаться от досадного ощущения, что обо всём этом где-то уже давно и не раз читал?..»*. Ещё критик недоволен тем, что герои думают не так, как надо бы, что автор «не может проникнуть во внутренний мир героев... не находит ни слов, ни деталей, способных приоткрыть духовное богатство героя...». В конце статьи критик взбесился окончательно и перешёл на грубость: *«... Почти в каждом рассказе и очерке бросается в глаза языковая неряшливость и безвкусица... то словесный мусор, местами буквально усеивающий страницы...»*.¹⁰ Нелепо, наверное, было такое о себе читать. Но пуще всего нас, как, думаем, и Виктора Николаевича, бесило, что всё это голословно, без конкретных примеров. И хотелось бы с критиком поспорить, убедить его в чём-то, только как, за что ухватиться? Всё равно что с туманом сражаться...

Ещё один сборник Алтайского книжного издательства назывался «Наш край родной». Книга выпускалась в 1968-м, в год 50-летия Октябрьской революции, под кураторством секретаря крайкома партии по идеологии, а потому содержимое отбирали, надо думать, под микроскопом. Составлением занимались два человека — директор издательства и работник газеты «Алтайская правда». Первый, надо полагать, числился в составителях номинально, а вот второй — истинный трудяга и интеллеktуал Вячеслав Константинович Чиликин — выполнил (мы так думаем) всю работу. Личность в своё время очень известная и уважаемая не только в кругах пишущей братии. На нём, со слов современников журналистов, держа-

¹⁰ Из личного архива Шнайдера В. А.

лась вся газета. Он один заменял и редактора, и корректора, и ответственного секретаря. Литературным редактором сборника был Александр Баздырев. Общую редакцию осуществлял доцент, кандидат исторических наук Тимофей Алексеевич Кулаков. Фамилии авторов и их произведения были согласованы с крайкомом КПСС.¹¹ У Виктора Николаевича был взят очерк «Степной солдат». О знатном хлеборобе-целиннике с Кубани Иване Даниловиче Рыбченко (о нём мы уже говорили). Здесь упоминаем о нём к тому, что очерки Виктора Николаевича пользовались спросом, читались. Секрет успеха был не только в том, что они высокоморальные, но, и это главное, динамичные, острые и написаны живым, грамотным, литературным языком.

Немного отвлечёмся и расскажем о друзьях-журналистах семьи Поповых. В разные годы в гостеприимной квартире Виктора Николаевича и Зои Михайловны находили приют друзья, товарищи и просто знакомые, приезжавшие на Алтай со всех концов страны.

В 1955 году началась крепкая дружба с Борисом Сергуненковым, который приехал после окончания Киевского университета в Барнаул и стал работать в «Молодёжи Алтая». Что его привело из европейской части Союза в глубинку: романтика, а, возможно, желание собрать материал для будущей большой литературной работы? Именно в это время в «Молодёжку» устроился литсотрудником и Виктор Николаевич. Люди с нестандартным мышлением, сильные волей, умеющие отстаивать своё мнение в любой ситуации, всегда привлекали В. Попова. Борис проработал всего около полугода и был уволен «по собственному желанию». Его не устраивала стандартная идеология, чем он, в свою очередь, не устраивал руководство газеты. Но с Алтая Сергуненков не уехал. Некоторое время перегонял из Монголии в Бийск скот, в 1956 году опубликовал в «Молодёжке» первый рассказ «До-ре-ми». Потом он от-

¹¹ КГКУ ГААК Ф. 78, оп. 2, д. 6.

правился сначала на какой-то рудник, оттуда — матросом на пассажирский пароход, а с осени 1957 года по осень 1966-го работал лесником на кордоне в Парголово-ском лесхозе на Карельском перешейке. Но связь с алтайскими друзьями не потерял — иногда переписывались, высылали друг другу свои новые книги. Так, в 1978 году Борис (к тому времени он жил в Ленинграде на Невском проспекте, 65-21) прислал Попову свою книгу «Лесная лошадь». Удивительная повесть-сказка из сплава сказки, реалистических пейзажей и авторских размышлений о природе. Повесть создана от первого лица и во многом автобиографичная, читается ровно, держит в себе. Постоянно хочется узнать: а что же дальше?

А в 1968 году у Поповых побывал журналист и писатель из Хабаровска Арнольд Пушкарь, один из лучших публицистов Дальнего Востока. В его биографии было событие, которое на Дальнем Востоке по сей день называют Чёрной ночью. Случай этот произошёл ночью 19 января 1965 года в Беринговом море. Несколько траулеров попали в беду — в шторм при восемнадцатиградусном морозе. Никто не помнил такого рокового стечения стихий. Обычно если понижалась температура, то стихал ветер. А если обрушивался шторм, то он приносил с собой тёплый воздух. А тут и шторм, и мороз. Арнольд Пушкарь, специальный корреспондент газеты «Советский Сахалин», в ту ночь находился на борту плавбазы «Кавказ» и все прелести шторма с морозом испытал сполна. Тогда погибли четыре судна: «Себеж», «Севск», «Нахичевань» и «Бокситогорск». В газете за 6 февраля того же года Пушкарь опубликовал свои впечатления под заголовком «Берингово море, 19 января». Статья начиналась словами: *«Я возвращаюсь из района промысла, как с фронта»*. Такой человек не мог не заинтересовать Виктора Николаевича. В память о знакомстве Пушкарь подарил Попову свою книгу «Нартовый след».

Новогодье 1969-го Виктор Николаевич и Зоя Михайловна провели в обществе писателя и журналиста Генна-

дия Падерина. И, можно догадаться, провели довольно примечательно, коль в апреле 1969 года Падерин подписал им свою новую книгу «Обвиняемый — страх» такими словами: «Автор считает своим приятным долгом подарить эту книжку душевным людям — Виктору и Зое — в память о посленовогодней ночи, проведённой в тёплом, уютном, гостеприимном доме в обществе милых хозяев...».¹²

В конце 1979 года в гостях у Виктора Николаевича и Зои Михайловны побывал писатель и журналист из Куйбышева Эдуард Кондратов. В тот приезд он подарил Виктору Николаевичу книгу очерков «Перекрёсток», написанных в соавторстве с начальником УВД города Тольятти Борисом Соколовым. Очерки, соответственно, о буднях милиции. И подписал их Кондратов оригинально:

*Отныне будет нам примером
Фигура милиционера
С красивым волевым лицом
И с положительным концом.*

*Достойному мужу
Своей жены (Зои),
Драгоценному Виктору Николаевичу.
Э. Кондратов, 24.10.1979.*¹³

Наверное, и Виктор Николаевич сделал ответный подарок, но нам о том неизвестно.

Внешне Виктор Николаевич выглядел строгим и немногословным, но в кругу друзей и просто интересных людей он становился совсем иным — открытым, общительным.

Рассказывая о Викторе Николаевиче, будет несправедливо умолчать о Зое Михайловне. Первые годы на Алтае она работала в «Алтайской правде», а затем собкором газеты «Известия» по Алтайскому краю. Исколесила край

¹² С оригинала из личного архива Шнайдера В. А.

¹³ С оригинала из личного архива Шнайдера В. А.

вдоль и поперёк не один раз. Материала за пятнадцать лет журналистской деятельности накопилось много. И в 1970 году Зоя Михайловна подала в Алтайское книжное издательство заявку на книгу очерков «По наследству». В 1971-м книга была выпущена. Небольшая — формата А6, сто двадцать страниц, на которых уместилось пятнадцать очерков. Для краеведа эта книга — клад! И это начинаешь понимать с первой страницы. Очерк «Трем смертям назло» посвящён героическому участнику Великой Отечественной войны Артаману Степановичу Смотрову — нашему земляку. «Секрет молодости» — о матросе с «Авроры», журналисте Михаиле Осиповиче Пантюхове. Ещё один очерк о знаменитом комбайнёре Семёне Ефимовиче Пятнице... Остальные — также о людях Алтая. Судьбы разные, но все связаны между собой: целеустремлённостью, верой в выбранное дело, в людей, в справедливость и любовь. Показано это не лобовым решением, а неброскими мастерскими штрихами. Интересное чувство читаешь и радуешься за автора — повезло ему в жизни, столько интересных людей знал.

Вторая, третья и четвёртая книги Зои Михайловны — «Право на должность» (1975, Барнаул, АКИ), «Исповедь сердца» (1977) и «Позиция и поза» (1985) — были изданы в московском издательстве «Известия Советов народных депутатов СССР» с предисловием Виктора Плешевени. Пятьдесят пять очерков, десятки судеб людей различных профессий и должностей, истории хозяйств и предприятий, посёлков и городов. Вроде бы на злобу дня написано, кому сейчас важно, о чём думали, как жили, как «развитой социализм» строили, но читаешь — а люди-то какие! Выпало им жить в то время, нам — в другое. Но истовость в труде, бескорыстие, душевные устремления — они во все времена ценны. В книгах З. Александровой целая эпоха — с начала двадцатого века и до 1985 года. И всё это — об Алтайском крае. На весь Советский Союз.

К месту будет сказать, что дочь Маргарита, в 1975 году окончив институт, вернулась в Барнаул и пошла по стопам

родителей, стала газетчиком, корреспондентом в «Молодёжи Алтая». Теперь вся семья, можно сказать, служила одному делу.

В 1974 году краевая писательская организация (ответственный секретарь Иван Кудинов) издавала коллективный сборник «От Кулунды до Кош-Агача». (Был тогда популярным такой лозунг, придуманный поэтом Иваном Фроловым: «От Кулунды до Кош-Агача одна задача — хлебосдача». Сейчас звучит, как анекдот). Редакционная коллегия — Н. Дворцов, Л. Квин, И. Кудинов и М. Юдалевич — постаралась охватить все сферы: о природе и людях края, промышленных предприятиях и сельских хозяйствах. История Алтая в лицах, фактах и цифрах. Виктор Николаевич опубликовал несколько очерков под общим заголовком «Степняки» — о тружениках Хабаровского и Бурлинского районов в уборочную страду 1973 года. А Зоя Михайловна дала очерк «Мост» о людях села Мульта Усть-Коксинского района Горно-Алтайской автономной области.

Сборник был выпущен в 1975 году, и сразу же в прессе вышли первые отклики. Так, в «Алтайской правде» от 20 сентября в статье «Люди переднего края» И. Фандин писал о «Степняках» Виктора Попова: *«Не сглаживая острых углов, автор рисует ростки высокой гражданской сознательности, не гаснущую ни при каких испытаниях высокую патриотическую убеждённость».*

*Язык очерков метафоричен, красочен, действие развёртывается динамично, автор умело владеет напряжённым, острым диалогом».*¹⁴

В том же 1974 году активная работа Виктора Николаевича как журналиста и писателя была отмечена заслуженной наградой. 5 мая ему присудили ежегодную премию Алтайской краевой организации Союза журналистов СССР за серию статей «Писатель в газете» и вручили диплом. Виктор Николаевич был среди писателей самым ак-

¹⁴ Из личного архива Шнайдера В. А.

тивным и печатающимся публицистом. Его статьи и очерки с завидной регулярностью появлялись на страницах «Алтайской правды» и «Молодёжи Алтая», на них всегда приходили читательские письма.

С 1975 года Виктор Николаевич раз за разом выезжает в творческие командировки для сбора материалов для альманаха «Алтай», «Молодёжи Алтая» и «Алтайской правды». Алейск, Шипуново, Нижняя Каменка, Алтайское, Кулунда, Белово, Камень-на-Оби, Троицкое и ещё много других сёл и посёлков. Командировки не однодневки — от десяти дней до двух недель. И в этом тоже просматривается его особое отношение к делу. Ведь часто корреспондент норовил уложиться в два, от силы три дня. Кавалерийским наскоком нагрязнул в райком, переписал цифры из отчётов, «поручкался» с передовиком, помял пучок колосьев с умным видом. И домой, очерк писать: «Далеко видит от своего комбайна передовик такой-то». Кстати, это реальная цитата, услышанная в семье Поповых. Для них она служила примером непрофессионального, халтурного отношения к делу.

Итогом командировок разных лет стал цикл очерков о людях-тружениках. Первый очерк с названием «Посередине — гвоздик» — о механизаторах колхоза им. М. И. Калинина Краснощёковского района — опубликован в № 1 альманаха «Алтай» за 1976 год. Следующий — о директоре плодосовхоза «Мичуринец» И. А. Яркине — «Наука преданности» (в № 1 того же альманаха за 1977 год). В декабре 77-го в издательстве вышел сборник рассказов и очерков Виктора Николаевича «Свадебный подарок». Основу составили очерки, написанные осенью 1973 года, но актуальности своей они не утратили, ибо главное в них не события и цифры, а люди — их характеры, внутренний мир, цели в жизни. Такое не теряет свежести.

В год своего семидесятилетия (1992 год) Виктор Николаевич был удостоен диплома Лауреата премии литературного конкурса им. В. М. Шукшина за книгу очерков о людях Алтая «Свадебный подарок».

И ещё о «Свадебном подарке». Только уже в другом контексте. В начале 2008 года группа писателей составила не то буклет, не то альбом истории литературных чтений на Алтае «Память людская тоже жизнь». Издание, вне всякого сомнения, нужное и выполнено хорошо. Спасибо редактору-составителю и авторам статей. Но есть в этом издании одно существенное упущение — среди лауреатов Шукшинской премии нет Виктора Николаевича. Названы все, кроме него. Не думаем, что сам Виктор Николаевич страдал бы, не найдя своего имени в альбоме. Он и правда был человеком широкой души, не мелочный. Только какая же это «Память людская...».

Второй казус в биографии Попова. На всех официальных сайтах Виктор Николаевич с лёгкой руки сотрудника газеты «Алтайская правда»¹⁵ стал лауреатом Шукшинской премии за книгу «Перевал «Подумай». Вот те номер! Мы держали его лауреатский диплом в руках в процессе работы над очерком неоднократно, сделали с него скан, и там чёрным по белому написано: «За книгу очерков о людях Алтая «Свадебный подарок» (фото диплома в конце очерка). Нельзя так исказить историю.

В 2000 году была издана энциклопедия «Барнаул», в которой упомянуты все члены СП России и СССР, жившие и ныне здравствующие на Алтае. Прекрасно. Все они люди заслуженные, и обязательно их имена должны быть увековечены в энциклопедии. И опять досадная ошибка. У всех писателей записаны их литературные премии, награды, а у Виктора Николаевича ни одной! Давайте восстановим историческую справедливость и перечислим то, что не поместилось в энциклопедию.

Виктор Николаевич Попов — лауреат премии Шукшина, премии редколлегии журнала «Алтай» и Алтайского книжного издательства, награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня

¹⁵ Газета «Алтайская правда», стр. 11, от 18.07.1992 г.

рождения В. И. Ленина», «За трудовое отличие», Почётной грамотой Администрации Алтайского края — но об этом не сказано. Документы, подтверждающие все эти награды, есть в нашем архиве и у дочери Виктора Николаевича Маргариты Викторовны.

Любопытно, что до сих пор, перечисляя ошибки неаккуратных биографов, мы отмечали, где Виктора Николаевича как бы ущемили. Но был один казус, когда ему приписали кое-что лишнее. В 1967 году краевой библиотекой был подготовлен и издан первый на Алтае библиографический справочник «Писатели Алтая». По недосмотру или спешке составителей Виктору Николаевичу «приписали» произведения другого автора. В разделе «Публикации в периодических изданиях и сборниках» указано, что в альманахе «Алтай» № 17 за 1961 год, на стр. 154-157 опубликованы его эпитафии и басни. Автор указанных эпитафий и басен действительно В. Попов, но не Виктор, а Владимир Попов — журналист из «Алтайской правды». Эта досадная ошибка, вводящая читателей и исследователей творчества писателя в заблуждение, перекочевала во второе издание (1974 год). Если возможно и здесь восстановить историческую справедливость, то мы сейчас это делаем. Виктор Николаевич Попов не писал эпитафий и басен. Рассказы, очерки, повести писал. А басни — нет.

ГЛАВА III

Пробовать свои силы в литературе Виктор Николаевич начал, как мы помним, еще в Златоусте. Вот как он сам писал об этом: *«Вчерашние солдаты вспоминали, и я писал, писал, писал. Подумать страшно, сколько я написал за полтора-два послевоенных года.*

Посылал я свою писанину в газеты, журналы, для издательства «Молодая гвардия» скопил целый блок рассказов о моряках.

Чтобы издатели мои старания заметили, я с места в карьер ввёл их в курс дела. К обложке сборника, который назывался «Разорвав кровавые тельняшки», приклепал место действия — «Далеко в тумане растаял Рыбачий»... Через несколько месяцев мне выдали всё, что могут выдать редакторы автору, который пишет приблизительно и больше знаком с шумовыми эффектами действия, нежели с его глубиной. Я с графоманской страстью написал крикливое несогласие... Вполне довольный собой, заключил свои буйные страсти в самодельный конверт (моего обличительного сарказма хватило чуть не на двенадцать тетрадных страниц) и... Нет, не отослал я свою филиппику. На счастье, не оказалось дома клея.

Случай дал мне возможность повременить и поразмышлять. А, поразмысливши, понять, что не писал я тогда, а только-только выводил каракули на крутой литературной стене. Пришёл к этому заключению трудно, но пришёл. Самое сложное в отходе от заблуждений — смирить гордыню. Она советчица никудышная, но изворотливая и настойчивая...»¹⁶

Это было в Златоусте. На Колыме, как было сказано в предыдущей главе, Виктор Николаевич поднабрался и жизненного опыта, и литературного. Именно поднабрался, а не набрался, ибо опыта в достатке никогда не бывает, он собирается всю жизнь. И на момент отъезда из Магадана он заключался в том, что не нужно спешить публиковать свои работы, нужно работать, работать и ещё раз работать над словом, сюжетом, стилем, характерами героев.

Когда семья Поповых обосновалась в Барнауле, молодая писательская организация только-только начинала свою деятельность. В крае уже было создано Алтайское краевое отделение Союза советских писателей. Членом союза был только И. Фролов, но пишущих было довольно много. Базировались они в квартире дома № 40 на улице Республики. Своей планово-программной работы ещё не было (всё в черновиках и набросках), а шли по до-

¹⁶ Журнал «Алтай» №№ 3-4, 1997 г.

рожке Алтайского краевого литературного объединения.¹⁷ Активисты: Юдалевич, Павлов, Чиликин, К. Козлов, Демченко, Орлов, Сидоров, Каширский, Русаков и другие. (Даже странно писать их вот так, через запятую. Что ни имя — то целый пласт будущей алтайской литературы!). Они выступали на предприятиях города, обсуждали рукописи друг друга, устраивали литературные вечера. А после утверждения сметы на 1952 год стали брать творческие командировки и ездить по Алтаю, собирать материалы и участвовать в работе литературных объединений Бийска, Рубцовска, Чесноковки (ныне город Новоалтайск).

Виктор Николаевич тоже участвовал во всех мероприятиях писательской организации, в том числе и в обсуждении рукописей и подготовке номеров альманаха «Алтай», но всегда держался особняком. Заводить дружеские отношения ни с кем не спешил и своего мнения не выставлял напоказ, а если и высказывал, то, как всегда, коротко и аргументировано. Больше прислушивался, присматривался, делал выводы. Круг начинающих литераторов (литературный актив — так именовали начинающих писателей в официальных документах) был гораздо шире, чем перечисленные выше писатели. И был этот круг весьма разношерстным. По взглядам на жизнь, по поведению в обществе, образованию, культуре, оценке своих литературных способностей литераторы были удивительно далеки друг от друга. Для Виктора Попова, начитанного, повидавшего жизнь, придерживавшегося строгих моральных устоев и умевшего ценить каждую минуту времени, поведение многих коллег казалось диковатым. Например, он совершенно не понимал и осуждал пьянки без повода и тем более загулы в несколько дней, публичные дебоши в нетрезвом состоянии, выступление перед аудиторией в изрядном подпитии. Конечно, сам Виктор Николаевич был не святым и выпивал, но пьяным показаться в общественном месте и уж тем более на выступлении — никогда.

¹⁷ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 1.

В середине 1953 года в Алтайском книжном издательстве по плану был составлен сборник рассказов местных писателей «У нас на Алтае». Небольшой, всего в 9,5 печатных листов. А желающих опубликоваться много. Даже очень. Решение было принято соломоново — рукописи отдавались трём рецензентам (авторы не знали, кто работает с их детищем), и если из трёх отзывов хотя бы два были положительные, то произведение включалось в сборник. В итоге такой работы в сборник вошли произведения десяти авторов, в том числе и рассказ В. Попова «Женька». Сборник получился крепким. Работал над ним опытный редактор К. Растегаев. И удивительно, что критика никак не отреагировала на издание. Обычно любой сборник разбирался по косточкам несколькими критиками, а тут ни единым словом. По крайней мере, нам не удалось найти в архивах следов хоть какой-то реакции на изданный сборник.

В некоторых статьях к юбилейным датам с удивлением прочли о том, что после публикации рассказа в сборнике «У нас на Алтае» В. Попов до 1958 года находился в творческом застое. Это неверно. Виктор Николаевич работал, но не спешил с опубликованием. В литературных делах он был принципиален и требователен. Если произведение слабое, то он говорил об этом автору открыто, без обиняков. Да, жёстко, да, больно, но ежели автору не сказать правды, не указать на недостатки, то он в последующих своих произведениях допустит те же самые промахи, и получится, что ты сделал ему хуже, чем если бы разобрал ошибки и этим огорчил, но помог двинуться вперёд. Виктор Николаевич считал: если не говорить правды, то для чего тогда садиться за рецензию?

К произведениям других авторов Виктор Николаевич был требователен, а к своим вдвойне. Именно по этой причине в период с 1953 по 1958 год в печати не появилось ни одного художественного произведения Попова. И все последующие годы он не изменял своему правилу: если есть

хоть толика сомнения в полной готовности произведения, положи его в стол, дай вылежаться, потом доработай.

Алексей Ефимович Сотников в своё время на Алтае считался одним из самых вьедливых, эрудированных и мощных рецензентов. На доброе слово в адрес литераторов был крайне скуп, не говоря уж о похвале. Но даже он оценивал редакторские способности Виктора Николаевича высоко. Вот строки из его письма Н. Дворцову 1 августа 1955 года из Горного Алтая: *«Приобрёл я 9 книгу альманаха «Алтай», но ещё не читал. Рецензию В. Попова «На слабом фундаменте» только что просмотрел. На мой взгляд, спорных положений в ней нет. Если И. Кожевников действительно серьёзно не поработал над повестью после памятного обсуждения...»*.¹⁸ Своих книг у Виктора Николаевича ещё не было, на Алтае прожил всего три года, а уже пользовался уважением и авторитетом в литературных кругах.

Годом позже он станет нештатным рецензентом при Алтайском отделении СП СССР.¹⁹

В эти годы (1953-1958) Виктор Николаевич усиленно работал. Он очень много читал, трудился над словом, стилем, построением сюжета, потому что был недоволен собой и неудовлетворён своими произведениями. Что-то в них было не прописано, не высказано, не тот слог, тема не раскрыта, недостаточно глубоко срезано. Сомнения, сомнения. Читая рукописи и книги братьев, Виктор Николаевич ищет автора-единомышленника с такими же взглядами на жизнь и способностью профессионально и объективно рецензировать и редактировать произведения. И такой человек находится — Александр Тресков. Несмотря на девятилетнюю разницу в возрасте, у них одинаковые взгляды на литературу, на взаимоотношения людей, отношения к обществу, понятия чести и долга, и, наконец, оба любили рыбалку. А беседа на берегу в ожида-

¹⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1368, оп. 2, д. 111.

¹⁹ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 1.

нии клёва или у рыбацкого костра, когда душа умиротворена и открыта, сближает людей. Неопровержимым фактом их дружбы явился такой случай. 10 февраля 1956 года в издательстве выходит первая книга Александра Трескова — сборник «Рассказы». И первым человеком, кому он подписал своё творение, был Виктор Попов. 15 февраля Александр Тресков делает на форзаце такую надпись: «Виктору Попову от всего сердца. 15 II 56. А. Тресков».²⁰ Первому из всей пишущей братии! На первом этапе радость, как правило, разделяют с самыми близкими людьми.

По договору с Алтайским книжным издательством в конце 1958 года Виктор Николаевич редактировал детскую книжку Бориса Каурова «Городок на целине». Это был единственный случай (который нам удалось обнаружить), когда он (В. Попов) редактировал стихи.

С 1958 года Виктор Николаевич начинает печататься регулярно. В альманахе «Алтай» № 11 за 1958 год опубликован рассказ «Как мы подружились». В 1959 году напечатаны два рассказа: в альманахе «Алтай» № 12 «Дорога» и в сборнике «На перекате», составленном Алтайским книжным издательством, «Приданое». Именно рассказ из сборника и не понравился критику А. Огневу. Он так и пишет в статье «Молодые алтайские рассказчики», опубликованной в журнале «Молодая гвардия» № 9 за 1960 год: «Ради чего он написан, какую мысль хотел выразить автор?». Кроме В. Попова, в своей статье А. Огнев боднул О. Петрова, П. Старцева, В. Омельченко, походя лягнул И. Шумилова, И. Кудинова, Ф. Моисеенко. За начинающих писателей вступился редактор сборника А. Ореховский. Его ответная статья «И целиной, и торными тропами» была послана в редакцию журнала «Молодая гвардия», но там, конечно, её не опубликовали. Тогда автор напечатал её в альманахе «Алтай» № 17 за 1961 год. И веско (вроде бы), с доводами объяснил поверхностному критику суть его никчёмного труда. Кандидата наук А. Огнева такой

²⁰ С оригинала из личного архива Шнайдера В. А.

оборот дела, естественно, не оставил равнодушным, и он пишет развёрнутую статью-ответ Ореховскому и присылает для публикации в альманахах «Алтай». Редактором альманаха был в тот год М. Юдалевич, и он публикует её под названием «Идейно-художественный уровень произведения и позиция критика» в разделе «Полемические заметки» в № 18 за 1961 год. Ответ Огнева, стоит отметить, выдержан и с конкретными примерами недоработок авторов, но в большей части он был разгромным для А. Ореховского: *«Упрекая меня в поверхностном подходе к трём выше названным рассказам А. Трескова, И. Кудинова и В. Попова, А. Ореховский даже не пытался доказать, что в них обыкновенное не превратилось в заурядное и неинтересное».*²¹ И далее Огнев на четырёх журнальных страницах повёл конкретный разговор о рассказах названных авторов, регулярно щёлкая Ореховского по носу фактами. В конце статьи он привёл несколько существенных редакторских упущений в грамматике и стилистике.

Рос профессионализм писателя, и вместе с ним расширялась география литературного общения. В начале 1959 года семья Поповых сдружилась с поэтом Аркадием Ситковским, который неоднократно бывал на Алтае и в один из своих приездов подписал Виктору Николаевичу и Зое Михайловне свой новый сборник «Навсегда вместе» такими словами: *«Виктору и Зое — моим барнаульским друзьям. Сердечно. Арк. Ситковский, 2 мая 1959 г.»*²²

В период становления писательской организации края издать не только отдельную книгу, но и рассказ было трудно. Любое произведение проходило сквозь жёсткое горнило цензуры, рецензентов и коллективных обсуждений. Так, в марте 1959 года на собрании писательской организации раскладывали по косточкам рассказ А. Трескова «Медовые росы». Отзывы, конечно, были разные.

²¹ Из личного архива Шнайдера В. А.

²² С оригинала из личного архива Шнайдера В. А.

Кто-то говорил лестно, кто-то критиковал, но и первые, и вторые в основном отделивались общими фразами. Нашлись и такие, о которых говорят — их спросили о Феде, а они пропели о медведе. Единственный, кто высказался, ёмко и детально о «Медовых росах», это В. Попов. После его выступления говорить больше никто не стал.²³

В июне этого же года на писательском собрании обсуждали рассказы В. Попова и О. Петрова. Последнего разгромили наголову, а Попову дали всего несколько рекомендаций. В целом же было принято решение рекомендовать рассказы В. Попова к изданию.²⁴ Это рассказы «Дорога», «Начало биографии», «Мечь».

В 1960 году журнал «Сибирские огни» публикует рассказ Виктора Николаевича «Лариса», который через год с названием «Начало биографии» будет включён в авторский сборник и даст название сборнику. А в № 15 альманаха «Алтай» были напечатаны рыбацкие рассказы «Мечь» и «Нюрка», которые также вошли в сборник «Начало биографии». А ещё этот год был отмечен для всей семьи Поповых — они переехали на новую квартиру в дом № 63 на проспекте Комсомольском.

В этот же год Виктор Николаевич пополнил свою библиотеку новыми книгами Ю. Нагибина «Перед праздником», А. Рыбакова «Приключения Кроша» и В. Солоухина «Капля росы». Самой близкой по духу Виктору Николаевичу, конечно, была проза Ю. Нагибина. Тот же пристальный взгляд вглубь, проработка до самого последнего слоя, детальный психологический портрет героя. Книги Виктор Николаевич не просто читал, он изучал их — стилистику, создание образа, построение сюжета. Кто и как это делает, почему так, а не иначе. Постоянный поиск, работа души. Всё это принесло нужные плоды не только в творчестве самого писателя, но и в его общественной работе — с рукописями других авторов. Его отзывы и рецензии стали одними

²³ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 5.

²⁴ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 5.

из самых профессиональных. От его опытного, вьедливого взгляда не уходила ни одна «блошка». Каждое своё замечание Виктор Николаевич обосновывал с такой основательностью, что автору ничего не оставалось, как принять его.

С начала 60-х годов сотрудничество Виктора Николаевича с Алтайским книжным издательством становилось крепче с каждой рукописью. Нередко случалось, что последнее слово по спорной рукописи оставалось за Поповым. Некоторые писатели воспринимали его критику и отзыв адекватно и даже с благодарностью за помощь, но, естественно, находились и такие, кто обижался.

В декабре 8 дня Виктор Николаевич получил в подарок от человека с родственной душой Олега Петрова его первую книгу рассказов «Одна ночь». Петров так же, как и Попов, был журналистом, много ездил по стране, матросом-ловцом ходил на черноморском сейнере, участвовал в экспедиции в районе Западных Саян. С Виктором Николаевичем их связывала не только литература и общие взгляды на многие жизненные позиции, но и рыбалка. Олег даже книгу подписал как другу-рыбаку: *«Виктору Попову, другу-рыболову и брату-писателю! Наш путь и далёк, и долог, и нельзя повернуть нам назад!.. Я хочу, старик, чтобы мы оба всё-таки прошли этот путь. Прими то, что уже удалось в какой-то мере...»*.²⁵

Виктор Николаевич, в свою очередь, посвятил один из рыбацких рассказов — «Прошлогодние» — друзьям-рыбакам (опубликован в сборнике «Начало биографии» и книге «Закон-тайга»), в том числе и Олегу Петрову.

В 1961 году Виктор Николаевич редактировал книгу молодого писателя Александра Баздырева «Илька приехал в Крутояр». Эта повесть принесла автору всесоюзную известность, дважды переиздавалась в московском издательстве «Детская литература» и дважды в Барнауле. Крепкая и интересная детская книжка, думается, в какой-то мере обязана и умелому редактору.

²⁵ С оригинала из личного архива Шнайдера В. А.

В 1960 году Виктор Николаевич созрел для книги и отнёс в издательство две рукописи — художественную (рассказы) и публицистическую (очерки). Рукописи, как полагалось, были запущены по всем кругам ада. Но, на удивление, отзывы и рецензии оказались положительными, и в январе 1961 года сборник рассказов «Начало биографии» под редакторством А. Ореховского был подписан в печать. В августе отправляется в типографию и второй, публицистический сборник «Алтайские были». Обычно в литературную жизнь вступают с одной книгой, а у Виктора Николаевича получилось так, что он вошёл с двумя.

На «Начало биографии» первой отреагировала редактор книжного издательства К. Саранча. В газете «Молодёжь Алтая» за 24 июня 1961-го была опубликована её статья о сборнике. Автор подчеркнула удачные, на её взгляд, находки писателя, глубину и широту его взгляда на жизнь и знание темы. Совершенно другого мнения о сборниках была Т. Блажнова. В альманахе «Алтай» № 2 за 1962 год опубликована её рецензия. Рассматривая сборник «Начало биографии», рецензент уличила В. Попова в многословии, неточностях и шаблонности. В особенности Т. Блажнова обрушилась на рассказ «Жена», и создало такое чувство, что он задел её за живое, разбередил свежую рану. Затем рецензент обвинила писателя в подражании Л. Ленчу и А. Гайдару. Что ж, на то они и критики, чтобы разносить в пух и прах. Не она первая, не она последняя. Но Т. Блажнова всё же отдала должное рыбацким рассказам В. Попова: *«До Попова о рыбалке писали Аксаков и Тургенев, Фраерман и Паустовский. Но при всей трудности подобного составления Попов сказал «своё» о рыбалке... И мы абсолютно верим Попову... Прелестен рассказ «Нюрка»... о языке Виктора Попова, то нужно сказать, что в области языка он ищет. И часто находит»*. Но это просветление пришло ненадолго. Вскоре рецензент возвращается к рассказу «Жена» и вновь начинает его крушить.²⁶

²⁶ Из личного архива Шнайдера В. А.

В сравнении с Карибским кризисом или демонстрацией в Новочеркасске, где были убиты 24 человека, рецензия Т. Блажновой, конечно, вещь малозначительная и неприметная, но, тем не менее, на заседании редакторов в книжном издательстве обсуждалась. Как-никак, а Попов был не рядовой автор, но штатный сотрудник — редактор и рецензент — книжного издательства.

Столичные рецензенты о первой книге В. Попова были иного мнения, нежели Т. Блажнова. Так, в журнале «Молодая гвардия» № 7 за 1962 год прозаик Виктор Шишов в своей статье «Только так» пишет: *«Рассказы разные и по темам, и по художественным достоинствам, но большинство их обладает завидным чувством свежего восприятия жизни... Выделенные в сборнике отдельным циклом «Рыбацкие истории» написаны живо, с юмором и, несомненно, заинтересуют читателя. Написаны они не просто о рыбалке, которую автор, видимо, хорошо знает... Автор тонко чувствует природу, умеет видеть её сквозь призму человеческих отношений. В этом одна из особенностей дарования Попова-рассказчика... Неподдельная поэзия характерна для молодого литератора в его описаниях природы...»*.²⁷ Довольно-таки неплохой отзыв для первой книги.

Виктору Николаевичу часто, кроме художественной литературы, выпадало редактировать публицистические книги, исторические и документальные. Из чего следует, что издательство выражало Попову редкое доверие. Так, в 1962 году он редактировал книгу очерков бийского журналиста Ивана Меликова «Степные рыцари», а в 1971-м году книгу журналиста и руководителя Бийского литературного объединения Михаила Длуговского «Ветры над Бией» о деятельности большевистской организации Бийска и Бийского уезда. В конце очерка мы приведём расширенный список книг, редактором и составителем которых был Виктор Николаевич.

Чаще всего писатели воспринимают критику как личное оскорбление, а рецензента записывают в кровные

²⁷ Из личного архива Шнайдера В. А.

враги. И совсем немногим дано относиться к критике как к хорошему уроку. Виктор Николаевич был из этого небольшого числа. Вслед за Максимом Горьким искренне считал, что «учить литераторов писать просто, ясно, грамотно входит в число обязанностей критики; я даже думаю, что это ее главная обязанность». Рецензия А. Огнева послужила ему для основательной переработки рассказа «Приданое», после чего этот и ещё два рассказа были опубликованы в журнале «Сибирские огни» в № 9 за 1963 год. В этом же году в альманахе «Алтай» в № 2 публикуют рассказ «Тост».

19 сентября 1963 года в Москве проводился семинар прозаиков. Виктор Николаевич был приглашён на него персонально одним из руководителей семинара, В. Н. Шишовым.²⁸ Но поехал с Алтая он не один, а с начинающим писателем Г. Комраковым. Что такое Всесоюзный семинар, объяснять не надо. Тем более что тебя на него персонально пригласили. Это, во-первых, хорошая школа. Во-вторых — свежий взгляд на твои произведения, новые знакомства.

В писательской организации края 11 марта 1963 года состоялось отчётно-выборное собрание, на котором присутствовал представитель Правления Союза писателей А. В. Высоцкий, секретарь сельского крайкома ВЛКСМ, заведующий идеологическим отделом газеты «Алтайская правда» и секретарь промышленного крайкома. Власть края тех лет уважала писателей и зорко следила за всеми их делами. В работе собрания без права голоса участвовал литературный актив края — кандидаты в члены СП, редакторы книжного издательства, журналисты и так далее.

С какого вопроса обычно начинаются подобные собрания? С самого важного. Верно. Но бывает и такое, что какой-то участник самым важным считает одно, а второй

²⁸ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 13.

другое. Именно такая ситуация и сложилась на описываемом собрании.

Литератор Иван Злышко первым взял слово и стал критиковать работу ответственного секретаря М. Юдалевича за все три его секретарских срока. Речь была жёсткой. В конце он поставил Юдалевичу в вину переиздание пьесы «Трудный возраст» и потребовал переизбрание секретаря. Из выступающих после Ивана Злышко мало кто поддержал его открыто. Говорили в основном общие слова о значении литературы в воспитании молодёжи, идеологии партии и тому подобном. Отличалось, как всегда, выступление В. Попова. Для него самым важным вопросом было не то, как отработал ответственный секретарь, по сути, чиновник в литературной жизни, а сама литература. Писатель, в его понимании, должен любить слово, ценить и обращаться с ним на самом высоком уровне профессионализма. Виктор Николаевич, наверное, был единственным писателем, который прочитывал все издававшиеся на Алтае книги, и если книга была крепкой — в смысле стиля, слога, построения сюжета и т. д., то радовался. Но если книга была слабой, он, невзирая на статус автора, высказывался открыто. Так и произошло. Книжным издательством только что был выпущен новый роман А. Демченко «Повесть о настоящей любви». Большой том — триста восемьдесят страниц. Попов, разумеется, роман проработал. Интересно же знать насколько коллега вырос, что нового сказал, какие новые приёмы применил. Судя по рецензии, которую Виктор Николаевич назвал «Искания Марины Иноземцевой» (имя главной героини романа) и опубликовал в газете «Молодёжь Алтая» за 22 февраля 1963 года, автор разочаровал его. И довольно крепко. Недоработок в произведении Демченко Виктор Николаевич нашёл много. Подробно он сказал о них в рецензии, а на собрании — кратко, но жёстко, подчеркнув, что в целом на Алтае «расцветает тенденция захваливания».²⁹

²⁹ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 10.

И статья Виктора Николаевича в «Молодёжке», и выступление на собрании, видимо, пробудили интерес писателей к новому роману, и многие прочитали его. Вслед за Поповым рецензию на «Повесть о настоящей любви» опубликовал М. Юдалевич в газете «Алтайская правда» № 59 от 10 марта, а затем А. Ореховский в № 76 от 30 марта. И оба рецензента фактически сошлись во мнении с Поповым. Дальше всех пошла К. Саранча в статье «По большому счёту», опубликованной в альманахе «Алтай» № 1 за 1964 год. Она указала автору на обеднённую действительности, плоскую «картинку», снижение звучания темы, нехороший налёт литературной спекуляции. Но суть не в этом, а в том, что первое слово при выходе новых книг в большинстве случаев говорил Виктор Николаевич, потому что не просто читал, а прорабатывал.

Конец 1963-го и весь 1964 год у Виктора Николаевича прошли в напряжённом труде. В работе было несколько рассказов и две повести. В первом номере альманаха «Алтай» за 1964 год публикуется новый рассказ «Надзиратель», а во втором — «Скала». Последний был написан на реальных событиях. Суть такова: узнав от доктора, что жить ему осталось немного, герой рассказа — Борис Семёнович Кириллов — одержим замыслом высечь на отвесной скале над Бией профиль Ленина. Врач уверен, что пациент не доживёт и до зимы. Не думают ещё раз его увидеть и плотогоны, с которыми Борис добирается до скалы. Но вера героя в себя творит чудо, и через год на стометровой отвесной скале, что в пяти километрах от деревни Удаловки, в месте, где Бия тесно сходитя с трассой на Артыбаш, он закончил работу над профилем Ленина. Рассказ читается на одном дыхании. Энергетика, заложенная в него, проникает глубоко и тревожит душу. Тем более, когда сам, своими глазами видел барельеф над Бией. Виктор Николаевич был знаком с героем, много с ним беседовал, благодаря чему и сам смог прочувствовать, что двигало им. Прочувствовать, может,

и другой бы смог, а ты опиши, найди такие слова, чтобы читатель откликнулся!

Вот пример описания страха и борьбы с ним: *«Подняв люльку метров на шестьдесят, конструкция вдруг отказала. Борис подумал, что противовес зацепился за камень, и дёрнул стропу на себя. Переждал несколько мгновений и снова дёрнул. Противовес свободно елозил по стене. Борис тянул стропу вверх, вниз, дёргал из стороны в сторону, люлька не двигалась. И вдруг от неизвестности, от гладкой скалы, за которую невозможно уцепиться, от отрешённости, в которой жил несколько месяцев, ему сделалось страшно. До головокружения, до тошноты страшно. Низ живота налился тяжестью, ноги стали тряпичными и мелко, мелко задрожали. Показалось, что обрывается люлька. Чувство падения было настолько явственным, что он опаматовался, только прижавшись телом к неподвижной стене. В этот миг ему показалось, что вместе с ощущением скальной незыблемости в него вошла тугая, взволнованная сила. Ведь это же совсем нетрудно — не бояться. Человек и боится-то от убеждения, что в определённых обстоятельствах надо бояться...»*. Обыкновенные слова, выстроенные правильно, и читатель переживает страх вместе с героем.

В 1965 году Виктор Николаевич сдаёт в альманах «Алтай» и в книжное издательство своё первое крупное произведение — повесть «Закон-тайга» — о геологах. По названию может показаться, что произведение остросюжетное. Но это не совсем так, хотя сюжет, действительно, напряженный. Главное в нём другое. Автор развивает свою основную творческую тему — дружбы, самоотверженности, благородства и, конечно же, мужества и человечности. Показывает он это через действия своих героев, попавших в сложную ситуацию вдалеке от людей. По всей повести выпукло, как горный хребет, видится характер автора: *«Константин присел на ступеньку, прикрыв ладонью глаза. Жизнь, жизнь. До чего ж она была несправедлива к нему. Там, где по любой логике и здравому смыслу должен был умереть этот слизняк, умерла она, Наташа, которая никак не могла умереть. Её уже не было, но она была. Она сидела рядом и ино-*

гда, чуть стиснув Константиновы пальцы, легонько тянула его к себе: «Костик, а потом у нас будет сын. Вот такойченький-такойченький. Ты ведь хочешь сына, Костик?..».

Тайга, где правда твоя, тайга? А, может, она именно в том, что случилось. Случилось потому, что люди забыли твои законы и из спутников стали попутчиками? Почему же ты молчишь, тайга?».

В начале 1965-го повесть публикуют в альманахе «Алтай», а в конце года она выходит отдельным изданием. Редактором книги был Александр Тресков. И первым Виктор Николаевич подписал книгу, конечно же, другу по духу и брату-рыбаку.

В сентябре 1965 года у Поповых побывал в гостях старый друг, ленинградский писатель Глеб Горышин. В 1954-1957 годах он работал в газете «Молодёжь Алтая», куда после университета был направлен. Затем пустился странствовать по стране: побывал за Байкалом, на Кольском полуострове, на берегах Братского моря, бродил по Горному Алтаю. Но, даже обосновавшись в Ленинграде, при первой возможности рвался на Алтай. А там к кому? Конечно, к Попову. В сентябрьский приезд Горышин написал алтайским друзьям свою новую книгу «Синее око»: «Зое, Виктору — моим добрым друзьям в Барнауле с любовью, Глеб Горышин».³⁰ Кстати, в сборнике два рассказа на алтайские темы, с конкретными географическими указаниями.

Заметим, что Глеб Горышин был близко знаком с Василием Шукшиным. К тому времени Василий Макарович уже был известен не только как актёр и режиссёр, но и как писатель, и произведения его стали явлением, о котором много шумели. Не мог их обойти вниманием и Виктор Николаевич. Вероятнее всего, скорей, при встречах Попова с Горышиным у них бывали разговоры о В. Шукшине. Но, к сожалению, нам пока не удалось обнаружить ни одного момента, где бы Попов упоминал Шукшина.

³⁰ С оригинала из личного архива Шнайдера В. А.

А ещё в 1965 году Виктор Николаевич познакомился с известным писателем Ильёй Лавровым. Лавров жил в Новосибирске, и Виктор Николаевич побывал у него в гостях. Во время той встречи Лавров подарил и подписал Попову несколько книг разных лет и мест издания. Интересно ради назовём книги: «Девочка и рябина» — повесть и рассказы (читинское издательство, 1957 г.), «Актёры» — повесть и рассказы (новосибирское издательство, 1961 г.), «Штормовое предупреждение» — роман (новосибирское издательство, 1963 г.), «Встреча с чудом» — повесть (московское издательство, 1964 г.), «Мне кричат журавли» — рассказы (новосибирское издательство, 1965 г.). Знакомству, видимо, и общению были рады оба, потому как все дарственные надписи на книгах начинаются словами «Дорогому Виктору Попову...». И поговорить им было о чём. Лавров по профессии актёр, ради литературы оставил сцену, когда был принят в 1956 году в Союз писателей. Ещё, возможно, он поделился радостью с Поповым — по его повести «Встреча с чудом» на киностудии «Мосфильм» снимался художественный фильм «Дорога к морю».

Для Виктора Николаевича Лавров представлял интерес не только как писатель, но и, в большей степени, как интересный собеседник с огромным кругом знаний, увлечений и неординарного характера. За 15 лет работы в театрах он объехал с гастрольями чуть ли не весь Советский Союз, много повидал, начитан — уникальная личность.

В декабре 1965 года в Алтайской писательской организации проводился семинар с участием двух писателей из Новосибирска. Книга «Закон-тайга» была представлена на обсуждение. Высказывания оказались разными, но в основном хорошими. Более глубокому анализу «Закон-тайгу» подверг А. Баздырев в статье «Новые имена, новые книги», напечатанной в альманахе «Алтай» № 1 за 1966 год. В ней автор пишет: *«Он (Попов) любит выписать деталь, порой вроде бы совсем малозначащую, так, чтобы её не только увидеть, но и почувствовать можно было. Любит он обновлять, возвращать к жизни, казалось бы, устаревшие слова.»*

Умеет проникать В. Попов во внутренний мир героев и показывать его со всеми мельчайшими деталями и оттенками. Особенно показательны в этом отношении повесть «Закон тайга» и, на мой взгляд, один из лучших рассказов В. Попова «Я тебя не люблю...».³¹

А вот как о книге Попова высказался начинающий писатель Г. Комраков в статье «По законам человека» в газете «Молодёжь Алтая» от 24.07.1966 г.: «На первом плане стоит человек во всём его многообразии, со всеми его слабостями и с его силой, человек с его сложностью отношений к явлениям жизни... серьёзное художественное исследование характеров... Чем же берёт В. Попов? А тем, что он и не пытается выдумывать...».³²

Скажем несколько слов и ещё об одном друге Виктора Попова — Геннадии Комракове. Разница в возрасте у них составляла тринадцать лет, но это не мешало им дружить долгие годы, даже после того, как Комраков переехал в Москву. Произведения Комракова так же, как и произведения Попова, о честности, мужестве, сложностях взаимоотношений между людьми, о людях борющихся и держащихся. И он (Комраков) тоже работал на Колыме. В 1965 году у Геннадия выходит первая книга рассказов «Прощай, гармонь!». И вот как он подписал её Попову: «Виктору Попову — первому живому писателю на пути!».³³

Следующие свои книги Комраков высылал Попову из Томска, Москвы. А дружеская связь между ними сохранилась практически до последних дней. К тому же Геннадий Комраков и Зоя Александрова долгие годы работали в газете «Известия». В 1981 году в издательстве политической литературы в книжной серии «Пламенные революционеры» у Комракова трехсоттысячным тиражом вышла книга «Мост в бесконечность» об одном из ранних революционеров-марксистов Фёдоре Афанасьеве. И, естественно,

³¹ Из личного архива Шнайдера В. А.

³² Из личного архива Шнайдера В. А.

³³ С оригинала из личного архива Шнайдера В. А.

Геннадий Борисович выслал книгу с дарственной надписью друзьям на Алтай — *«Зое и Виктору на добрую память. Г. Комраков. 18/IV-81 г.»*. Из общения с супругой Геннадия Борисовича Ниной Васильевной мы знаем, что слово «друг» для Комракова было святое. Тех, кого он считал своими друзьями, можно было пересчитать по пальцам на одной руке. Последняя книга, которую Г. Комраков выслал в 1987 г. Виктору Николаевичу и Зое Михайловне, называлась *«На пути к человеку»: «Зое и Виктору с пожеланием жить и любить. Г. Комраков. 20/II-87 г.»*. В августе 1993 года Геннадия Борисовича Комракова не стало.

Нельзя не сказать и о хороших отношениях В. Попова и З. Александровой с известным журналистом и поэтом А. Сотниковым, которые сложились не сразу и не вдруг. Когда Попов появился на Алтае, Сотников уже был известен в крае и как поэт, и как журналист. Он был одним из первых главных редакторов Алтайского книжного издательства. Его эрудиция привлекала окружающих и делала его очень интересным собеседником, но прямолинейность отпугивала. Попова же такая черта характера Сотникова не смущала, а наоборот, притягивала, и потому Алексей Ефимович был желанным гостем в квартире Виктора Николаевича и Зои Михайловны. Свой первый стихотворный сборник «Утро Алтая» Сотников так подписал друзьям: *«Зое Александровой и В. Попову — самым гостеприимным жителям Барнаула — от одного из самых надоедливых гостей на вечную память. А. Сотников, февраль 1965 г. Барнаул»*.³⁴ Кстати, в личном архиве Виктора Николаевича сохранилось несколько машинописных листов с эпиграмами Сотникова на писателей.

Вернёмся на некоторое время к декабрьскому семинару 1965 года. Кроме книги «Закон-тайга», обсуждались «На земле живущим» Г. Егорова; «Двое в палате» Н. Дворцова; «Бой на мосту» С. Саунина и рукописи стихов И. Олиферовского и Н. Черкасова. Всего же в работе семинара приняло

³⁴ С оригинала из личного архива Шнайдера В. А.

участие более ста человек. Выступая под конец мероприятия, В. Попов высказался в том духе, что в пишущей среде бояться обсуждать чье-либо творчество, думая: сегодня ты, а завтра я «именинник». *«Товарищи боятся обидеть содруга по перу»*, — заключил Виктор Попов.³⁵ Такое сказать открыто при большой аудитории мог далеко не каждый, но в тот раз сказал только он.

Пока обсуждалась книга «Закон-тайга», Виктор Николаевич подготовил и отнёс в издательство (февраль 1966 года)³⁶ новую рукопись — большую повесть «Непогода». Редактировал новое произведение Александр Тресков. Учитывая требовательность автора к себе и своим произведениям, скрупулёзность редактора и их дружеские отношения, работа над повестью шла долго. На многочисленных встречах редактор и автор неоднократно сходились в горячих спорах, отстаивая каждый своё мнение. Известно: самый честный и строгий редактор-рецензент — это друг. И вот 5 августа 1966 года редактор и автор пожали руки, и повесть пошла в набор. В канун нового года книга была напечатана. Новогодний подарок для автора хороший. Свет увидело второе крупное произведение. Первые экземпляры тиража, естественно, пошли в руки самых близких друзей. Ушло заказное письмо с двумя книгами — «Закон-тайга» и «Непогода» — в Севастополь старому колымскому другу, человеку, как легко догадаться из ответного письма, не чуждому литературы. Ответ из Севастополя был отправлен 25 февраля 1967 года. Эпиграфом автор выбрал предложение из повести «Непогода» со 112 страницы: «Письмо от друга — всегда радость». Вот что пишет друг (к сожалению, подпись в письме неразборчива, и мы не можем указать ни имени автора, ни фамилии — конверт не сохранился): «... Рад я за тебя, Виктор! Если честно, то не принимал я тебя раньше всерьёз. Так, думал, балуется около литературы, а по существу газетчик со всеми его порока-

³⁵ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 21.

³⁶ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 24.

ми. А сейчас, вижу, нет, тут пошло без баловства, чем-то настоящим повеяло, разговор начался по большому писательскому счёту... Есть у меня уголок, уже не маленький уголок на книжной полке. Там лежат книги с автографами. Авторы, люди, с которыми я когда-то работал, написали мне на своих книгах разные хорошие слова. Некоторых авторов ты, наверное, и не знаешь. А есть и знакомые. В частности, колымчане Петр Нефёдов, Вячеслав Тычинин... И вот читаю я эти книги, раздумываю, сравниваю. Взять, к примеру, В. Тычинина. Он больше тебя написал. Романы есть. В столичные издательства дорогу пробил. Напористый. Усидчивый. Но всё же я этого члена СП никогда, наверное, не смогу назвать настоящим писателем. Никогда! И поверь, не приносят мне радости новые его книги, не верю я ему, не от души пишет, а по расчёту, и порой по безошибочному.

А вот у тебя другое... Повторяю, рад я за тебя! И верю, что Виктор Попов сделал пока только первые шаги...». Письмо большое — на семи машинописных страницах. И в нём не только хвалебные речи. Автор по дружбе сказал открыто о том, с чем не согласен и что считает недоработкой в произведениях. Например: «... вал в подборщике (стр. 8) и жук на стекле одинаково «жестяно» звуки издают...».³⁷

Высказал своё мнение о книге Попова и столичный товарищ, писатель-прозаик В. Шишов: в третьем номере журнала «Нева» была опубликована его небольшая рецензия на книгу «Закон-тайга». Рецензент понял не только суть произведения, но направления автора: «... Молодого алтайского литератора больше всего занимают трудные повороты в судьбах его героев, те переломные моменты в жизни человека, когда обстоятельства требуют быстро и решительно ответа на неожиданно возникшие перед ним нравственные проблемы... Воспитательное значение её (повести) несомненно. В ней есть страницы сильные, художественно зрелые, есть и послабее, но трудно упрекнуть автора в том, что он где-то погрешил против жизненной правды... Глубина психологического исследования характеров определяет успех повести. Виктор

³⁷ С оригинала из личного архива Кургалиной М. В.

Попов умело проникает в тайники души человека. Язык повествования точен и выразителен, автор избегает вычурной замысловатости, нарочитой усложнённости... В целом же книга убедительно свидетельствует о творческом росте молодого прозаика...»³⁸ — пишет Шишов.

Не оставил без внимания повесть «Непогода» и А. Сотников. Прочитав книгу, он отправил автору следующую эпиграмму:

*Он не синоптик, но твердил три года,
что будет непогода,
и разве, повесть прочитав,
не видим мы, что автор прав.*³⁹

С людьми, которые ему нравились, Попов всегда был открыт и прост в общении. Мог пошутить, разыграть (были и такие случаи). В день пятидесятилетия Николая Николаевича Чебаевского Виктор Николаевич подарил ему свою «Непогоду» с такой надписью: «Николаю Чебаевскому в день его пятидесятилетия. Друг, Никола! Давай 50х2. Тогда-то уж гульнём! Виктор». Чувствуется, что подписана книга от чистого сердца, от всей души.

О вступлении Виктора Попова в Союз писателей. Рекомендации для вступления у него были ещё с 1961 года. От Марка Соболя и Андрея Некрасова. Но тогда Виктор Николаевич не стал подавать заявление — считал, что ещё не готов. Иные лезут в союз окольными путями, не гнушаясь никакими способами, а его приглашают — не идёт, совесть не позволяет. В 1966 году Виктор Николаевич решил, что «созрел», и написал заявление. Накануне собрания Попову прислал рекомендацию известный в стране поэт Яков Аким. 6 мая 1967 года решением Правления СП Виктор Николаевич был принят в Союз писателей СССР. 6 было принято решение, а 8 мая Виктору Николаевичу уже пришла телеграмма из Правления Союза

³⁸ Из личного архива Шнайдера В. А.

³⁹ Из личного архива Шнайдера В. А.

писателей РСФСР: «Сердечно поздравляем вас дорогой Виктор Николаевич приёмом Союза писателей желаем новых творческих успехов».⁴⁰

Для кого-то членство — это слава, для кого-то верхняя ступень и повод задрать нос и всех поучать. Для Виктора Николаевича членский билет Союза писателей был больше ответственностью. Перед своей совестью, перед собратьями и, главное, перед Литературой и СЛОВОМ.

Пример тому работа с начинающими авторами. В начале 1967 года молодой автор Евгений Гущин сдал в издательство рукопись — сборник очерков. Рецензентом был Виктор Попов. Поработав с рукописью, он вернул её автору и при личной встрече устно дополнил рецензию. А молодой прозаик ответил письмом.

«Виктор Николаевич, чувство неловкости перед Вами, даже вины побудило меня написать Вам это письмо.

Я очень хорошо помню наш с Вами разговор об очерках, в деталях помню. Из одиннадцати материалов Вы десять признали годными к доработке. Вы сказали, прочитав «Пассажир с рублевым билетом», что это — самое лучшее из всего мной написанного. Только о «Ковыль-траве» плохо отозвались. Короче говоря, я постарался следовать Вашему совету. «Ковыль-траву» — убрал. Остальное — доработал в духе Ваших наставлений. Не знаю, точно ли следовал Вам или где что упустил, но старался.

Когда Каролина Ивановна прочитала очерки, то сказала: «Книжки не вижу». И чтобы как-то помочь мне, искренне посоветовала за месяц всё переделать. Она сказала: «Пассажир» — примитив, притом что-то подобное я уже у кого-то читала. То ли у Аксёнова, то ли ещё у кого-то. Во всяком случае, это очень плохо. «Трое против чудака» — то ли пародия, то ли фельетон. Тоже плохо».

Из десяти очерков годными к доработке признала три. Над остальными, говорит, просто не стоит ломать голову. И пред-

⁴⁰ Из личного архива Шнайдера В. А.

ложила за месяц написать новые очерки. Она торопилась, Каролина Ивановна. В отпуск. Потом она сократила срок ещё на пять дней.

За это время я дописал остальные очерки, которые Вы и обсуждали. Что было дальше — Вы знаете. Вы упрекнули меня в том, что я вместо того, чтобы работать над старыми, написал новые, не лучшие. И мне неудобно было объяснять, что так сказала Каролина Ивановна. И мне было неловко перед Вами. Ведь Вы могли подумать, будто я пренебрёг Вашими советами.

Меня поразило то обстоятельство, что один писатель говорит так, а другой (пусть редактор) — обратное. Совершенно обратное. Единого мнения не было. За что хвалит один — ругает другой. Тут есть от чего растеряться. И думать: в каком плане делать. В духе рецензировавшего меня писателя или в духе редактирующего меня редактора?

Мне вернули рукопись на доработку. На неограниченный срок. Торопиться не буду. Постараюсь сделать, чтобы самому понравилось. Видимо, всё (окончательно не решил) выброшу. Начну заново. Другое. По-серьёзному. Над каждым словом. Может, оставлю один «Осколок», сделаю его так, как хотел. С честным концом. Пусть даже не напечатают. Не это главное. А сделаю, чтобы самому хорошо было от написанного.

Вас, может, слегка удивит письмо. Почему письмо? Да потому, что словами не смог бы объяснить. Путался бы и сбивался. Говорить совсем не умею. Не выходит. Вот и молчал на обсуждении. Хочу, дабы Вы поняли меня правильно: не желаю очернить редактора. Возможно, даже вместе: и Вы, и она правы. Верю, и её слова были от чистого сердца. И её советы от души.

А написал я это из чувства неловкости перед Вами. Вы же не знали, почему я заменил очерки другими, не лучшими. А с Вашим мнением я считался и считаюсь. Ведь Вы были первым, кто со мной говорил серьёзно и дельно. Первое не забывается.

12 октября 1967 г.

С уважением, Е. Гуцин».⁴¹

⁴¹ Из личного архива Шнайдера В. А.

После вступления В. Попова в союз повысилось внимание и к его произведениям. Так, в газете «Алтайская правда» от 15 сентября 1967 года Иван Березюк опубликовал большую статью о книге «Непогода». Рассматривая сюжет произведения, героев, автор статьи отмечает: «... «Непогода» населена добрыми людьми, не положительными и отрицательными героями, а именно людьми. Откровенные и себе на уме, решительные и трусоватые, работающие и с ленцой... все они, за исключением Спирина, — любовь автора. Он — среди них, а не над ними. И потому не спешит раздавать им оценки, и потому не спешит поучать их. Вот ежели поспорить — пожалуйста...».⁴² Подмечено главное, именно то, что и хотел показать автор повести.

В июле 1967 года в сборнике «Люби свой край» опубликован новый небольшой рассказ В. Попова «Мечь» — о заядлых рыбаках. Всего на двух страницах, но энергии в нём, силы и рыбацкого азарта заложено с лихвой. Читается одним глотком, картинка — прямо киношная, будто сам на берегу.

«Несколько поворотов катушки, и снова живой вопль:

— Ага, сяла!

Теперь Миша не просил у Олега подсачек. Он торопливо крутил катушку и сутулился от нетерпения. Мы все трое бросились к нему одновременно, но Миша ни от кого не захотел принять помощи. Он волок двухкилограммовую щуку напролом через осоку, а едва она оказалась на берегу, бросился на неё животом. Потом поднял на нас бессмысленные от торжества глаза и сказал, как припечатал:

— Рыбачишки!».

И в который раз удивляешься. Зарисовка — житейская, люди — знакомые, слова — обычные. А вот поди напиши так, чтобы ярко, как в кино.

Говоря об увлечениях Виктора Николаевича, грех не сказать о шашках и шахматах. В шашках он бывал призером на чемпионатах края, но и в шахматах был серьёз-

⁴² Из личного архива Шнайдера В. А.

ным противником. И это неудивительно, потому как хорошие шахматисты, мы знаем, получают из математиков, а Попов по арифметике и алгебре был в школе отличником. Может, и в писательском труде срабатывало это качество — умение просчитывать, выбирать верный ход. Только на доске фигуры, а на странице слова...

В 1968 году семья Поповых путешествовала по Горному Алтаю. Всей душой любя природу, понимая и зная её, Виктор Николаевич умел о ней поведать. Благодаря энциклопедическим знаниям и хорошему, живому слогу рассказчик Виктор Николаевич был интересный. Его можно было слушать часами. Вообще он считал, что знать поимённо, кто в лесу, в горах, в реке живёт, для писателя обязательно. «Не пиши», — говорил, — «В лесу кричала какая-то птица». Сорока, горихвостка, малиновка... Хочешь, чтобы тебе поверили и поняли — пиши точно». Потом мы специально обращали на это внимание, и многие, даже маститые писатели позволяют себе «какую-то» птицу. А Попов не мог. Дай Бог нам такой трепет перед читателями и такую требовательность к себе.

В том же 1968 году в Алтайском книжном издательстве вышел сборник для детей среднего и старшего возраста «Сквозь годы и грозы». Составитель — знаток слова Марк Юдалевич — трудился над сборником долго. Представлены все жанры — роман, повесть, рассказ, стихи, очерк. Учитывая обилие рукописей и установленный издательством объём, отбор произведений проходил в несколько этапов. В сухой остаток вышел и рассказ Виктора Попова «Скала» — о нём мы уже говорили. И это ещё раз подтвердило, что никто из прочитавших рассказ не остаётся равнодушным. Не мифические, не выдуманные, а реальные, сильные духом герои всегда западают в память.

В апреле этого же года семья Поповых получила бандероль из Москвы от давнего товарища Марка Соболя. Несколько столичных безделушек и, самое главное, новая книга стихов Соболя «Песня о двух трубачах». Стихов ни Виктор Николаевич, ни Зоя Михайловна не писали,

но Соболев знал, что поэзию они понимают и ценят, а потому и выслал не просто как читателям, а больше для того, чтобы узнать их мнение.

В канун своего дня рождения в 1969 году Виктор Николаевич решил купить автомобиль. Будучи человеком практичным, он свой выбор останавливает не на «Москвиче» или «Волге», а на ГАЗ-69. Практически вездеход. Частникам такой автомобиль не продавали, но была возможность стать владельцем подержанного «газика». Хотя и на это требовалось специальное разрешение крайисполкома. И в июне семья обзавелась машиной ГАЗ-69 1964 года выпуска, которую приобрела у издательства «Известия Советов депутатов трудящихся СССР» по остаточной стоимости за 1160 рублей.⁴³

Такой автомобиль был мечтой любого охотника-рыболова. Не можем удержаться, чтобы не описать голубую мечту охотников и рыболовов в те времена. Одно то, что автомобиль разрабатывался в сталинские времена по тактико-техническим требованиям, выданным заводу Главным артиллерийским управлением, говорит о превосходных ходовых данных. У военных изначально он шёл под литерой АТК-Л (Артиллерийский тягач колёсный лёгкий), а завод дал машине индекс ГАЗ-69-76 (второе число относилось к кузову). Использовать его предполагалось для транспортировки 82-мм миномёта и 45-мм пушки (и иных лёгких артиллерийских орудий). В снаряжённом состоянии автомобиль весил 1470 кг, а при полной загруженности — 2110. Благодаря полному приводу обладал высокими тяговыми свойствами — 69,9% от полной массы без прицепа и мог преодолеть подъём в 34° (с прицепом 23°). Был способен идти по бездорожью со слоем грязи до 0,25 м! А с цепями — 0,3 м! Броды же брал до 0,7 м. К тому же ГАЗ-69 оборудовался двумя топливны-

⁴³ Распоряжение Исполнительного комитета Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся № 529-р от 09.06.1969 г.

ми баками, что давало возможность проехать не одну сотню километров без дозаправки. Благодаря автомобилю Виктор Николаевич, в полном смысле слова, исколесил весь Алтай вдоль и поперёк.

В этот же год Виктор Николаевич закончил и сдал в издательство новую, нехарактерную для его творчества повесть — приключенческую, да ещё и детскую — «Пожар в Назаровском». Главные герои — Венка и Борька, конечно же, рыбаки, и повесть завязывается с подготовки героев к рыбалке. Повесть получилась удачной. От предыдущих произведений она отличалась и колоритностью, и стилем. Чувствовалось, что автор вложил в неё немалую часть души. Читается она легко и без отрыва. И на каждой странице радуешься авторским находкам. Пример: *«А месяц какой в небе! Во весь рот разулыбался Венкиной неудаче...»*. Написать красивую фразу — это всего лишь некоторая толика дела. Главное, чтоб она, фраза эта, встала на нужное место. Либо характер героя оттенила, либо состояние его, либо отношения между героями. Это азбука писательства, но в этом же и его суть, мастерство Виктора Попова — каждое слово, каждое предложение на своём месте.

В начале 1970 года «Пожар в Назаровском» выходит к читателям. Динамичное, свежее, написанное лёгким слогом вроде бы для детей, но интересное и взрослым повествование заметили читатели. Только в ЦГБ им. Н. М. Ядринцева в Барнауле за 1970 и 1971 годы книга выдавалась более тридцати раз!

В 1969 году Виктор Николаевич заканчивает повесть «Однодневка» (напечатана в альманахе «Алтай» № 3 за 1970 год) о способном, но слабовольном главном конструкторе, который всё никак не может закончить кандидатскую диссертацию. Но мы не будем пересказывать повесть. Чтобы понять психологическую глубину повести и мастерство проработки характеров героев, её нужно прочесть. Вдумчиво.

Повесть крепкая и вызывает удивление, что критика и пресса на неё никак не отреагировали. Ни похвалили,

ни поругали. «Однодневка» же из разряда будоражащих произведений.

И только читатели и знатоки творчества Виктора Николаевича знают, что это произведение родилось из рассказа «Жена», опубликованного в сборнике «Начало биографии». Иными словами, автор развернул рассказ в повесть.

В № 2 альманаха «Алтай» за 1970 год опубликован рассказ Попова «На шестом повороте». О том, как городские рыбаки пытались выведать у деревенского деда-рыбака секрет снасти, на которую ловится по мешку рыбы. Читатель рассказ, а перед глазами, как в кино, дедок у лунки, городские попусту толкутся на льду...

В мае 20 числа 1970 года в гостях у Виктора Николаевича побывал давний знакомый журналист и поэт Илья Фояков. Родился он в Иркутской области в 1935 году. В Ленинграде окончил среднюю школу, затем отделение журналистики филологического факультета Ленинградского университета и с 1957 года по 1962-й работал в Новосибирске литературным сотрудником газеты «Советская Сибирь» и собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Сибири. Видимо, там, в Новосибирске, и состоялось их знакомство, которое длилось долгие годы. Во время приезда в Барнаул Илья Фояков подарил Виктору Попову свой новый стихотворный сборник «Надежда». Что связывало двух разных по возрасту писателей? Наверное, многое. Первое — это литература, затем журналистика и футбол. Но главное связующее звено, думается, было СЛОВО.

В 1970 году в семье Поповых было ещё одно важное событие. Дочь Маргарита окончила школу и поступила в педагогический институт на преподавателя иностранных языков. Казалось бы, у таких родителей и — учитель. На этот вопрос Маргарита Викторовна отвечает так: родители не навязывали ей своего мнения. В выборе профессии и других важных жизненных шагах она принимала решение самостоятельно. Не то чтобы очень хотела стать

учителем, но, видимо, сразу после школы ещё не была готова к серьёзному шагу. Школа оказалась с английским уклоном, все на иняз, и она тоже. Умение писать казалось само собой разумеющимся. Не будущей профессией, а просто способностью. Как читать, смотреть, двигаться. А английскому языку нужно было учиться. Это как бы серьёзнее. Очнулась на третьем курсе. Куда? В школу? И это — на всю жизнь? Забрала документы, перевелась на заочное в Иркутский институт иностранных языков и пошла в «Алтайскую правду» проситься внештатником. Родителям, конечно, рассказала. Было похоже, что вздохнули с облегчением: наладилась дочка.

В 1970 году Виктор Николаевич сдаёт в книжное издательство рукопись новой книги, в которую вошли повести «Закон-тайга», «Однодневка» и подборка рассказов, в том числе и рыбацкий цикл, а как же без него? В роли редактора выступил старый друг Александр Тресков. В 1971 году книга вышла под названием «Дальний рейс».

Начало 1971 года. В Алтайском отделении Союза писателей проводился краевой семинар молодых писателей. Отделением прозы руководили Н. Яновский и Н. Дворцов. Обсуждались произведения И. Олиферовского, Е. Гущина, И. Кожевникова и других начинающих. География и количество участников семинара впечатляли: из Бийска прибыли 13 участников, Рубцовска — 6, Горного Алтая, Ельцовки, Залесово, Курьи, Павловска, Ребрихи, Новичихи, Томска, Новогорьевска, Целинного района, Усть-Пристанки, Камня-на-Оби, Староалейского, Кытманово, Михайловки, Топчихи — 30. От Барнаула — 26.⁴⁴

Семинар был рассчитан на три дня. Учитывая количество представленных рукописей, этого времени было катастрофически мало, работали по 16-18 часов. При обсуждении, как говорится, дым стоял коромыслом. Об-

⁴⁴ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 45.

суждали не только руководители семинара и члены Союза писателей, а все, кто с произведениями успел ознакомиться (имеется в виду начинающие писатели). Виктор Николаевич выделялся на секции прозы тем, что был единственным, кто прочитал все представленные вещи и высказал каждому автору свои обоснованные замечания. Труд, достойный уважения. К тому же именно в это время он работал над своей новой повестью «Экспедиция спускается по реке». И это ещё не всё. В то же время по договору с издательством он редактировал (готовил к изданию отдельной книгой) документальную рукопись Ивана Жолобова «За линией фронта — тоже война». Говорить о важности работы для издательства нет необходимости, а вот об авторе скажем. Иван Жолобов — почётный чекист, бывший командир особого партизанского отряда «Дружба», действовавшего в годы Великой Отечественной войны на территории Гомельской области Белоруссии в тылу противника. После войны И. Жолобов окончил школу разведки Первого главного управления МГБ СССР, и вся дальнейшая его трудовая деятельность была связана с МГБ — КГБ. В отставку И. Жолобов ушёл в звании полковника КГБ. Выбор редактора для рукописи непростого автора было делом для издательства щепетильным. Тем более что речь шла о документальном произведении. Тут был нужен человек ответственный, эрудированный и, самое главное, честный, способный сказать правду, невзирая на авторитет и положение автора. И выбор пал на Виктора Попова. Отметим, что как только в Алтайское книжное издательство или в альманах «Алтай» поступала рукопись «непростого» автора, её обязательно отдавали в работу Попову. Резануть в глаза правду-матку способен был только он.

Как раз на эту тему эпизод. В 1971 году 5 мая в отделении Союза писателей состоялось общее собрание.⁴⁵ Из двенадцати членов СП, состоявших на учёте, присутство-

⁴⁵ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 44.

вали десять. Вопрос был один — рекомендация в Союз писателей поэта Николая Черкасова. К этому дню у Черкасова были две книги стихов «Отава» и «Ковыли», ряд публикаций в коллективных сборниках и периодических изданиях, включая журналы «Сибирские огни» и «Молодая гвардия». На его стихи были написаны и исполнялись песни. Одним словом — автор, достойный быть членом Союза писателей. А с ним на тот день Виктор Попов уже много лет дружил. Ответственным секретарём организации был Иван Кудинов. Как водится, после рассмотрения заявления началось обсуждение. Девять выступавших дали Черкасову только положительные отзывы и проголосовали за его рекомендацию в союз. И только Виктор Николаевич, как настоящий друг, написав положительную рекомендацию и проголосовав «за», сделал ещё и напутствие, в котором рекомендовал кандидату серьёзней относиться к слову, работать над образами, шлифовать свой стиль и совершенствоваться, не останавливаясь на достигнутом рубеже.⁴⁶

На осеннем собрании Н. Дворцов в преддверии 50-летия писателей Л. Квина и В. Попова предложил Алтайскому книжному издательству (присутствовал директор АКИ) выпустить книги юбиляров. Квина: «Звёзды чужой стороны», «Начинают и проигрывают». Попова: «Непогода», «Закон-тайга», «Пожар в Назаровском», «Экспедиция спускается по реке».⁴⁷ Директор согласился и, более того, произнёс в адрес будущих юбиляров много хороших слов. Собрание идею Дворцова одобрило. В итоге ко дню рождения Виктора Николаевича в 1972 году выходит книга «Экспедиция спускается по реке». Редактором снова был Александр Тресков. Слово об авторе написал некто А. Сергеев. Для читателей эта личность была неизвестной. А вот творчество Попова, судя по статье, А. Сергеев знал прекрасно. Немногие писатели ведали, что за А. Сергеевым

⁴⁶ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 44.

⁴⁷ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 43.

скрывается Александр Сергеевич Тресков. Им же были написаны к юбилею писателя Виктора Николаевича две статьи: «Зрелость», опубликованная в газете «Молодёжь Алтай» за 31 мая 1972 года, и «В каждом произведении жизнь» в альманахе «Алтай» № 2 того же года. В последней статье А. Сергеев (А. Тресков), проанализировав произведения В. Попова, делал заключение: *«Художественные способности писателя довольно ярко проявляются не только в портретной обрисовке героев, в раскрытии их характеров, в психологической мотивировке их поступков, но и в изображении пейзажа. Он берёт не то, что лежит на поверхности и сразу бросается в глаза, а обладает собственным видением красок и явлений...»*.⁴⁸

Двумя годами позже во втором номере альманаха «Алтай» Иван Березюк опубликует статью «Люди со стороны» с подзаголовком «Пolemические заметки читателя», в которой разберёт по «косточкам» повести Е. Гущина «Правая сторона» и В. Попова «Экспедиция спускается по реке». В целом отзыв Березюка о повести Попова удовлетворительный, но на серьёзное упущение рецензент указал. По сюжету повести следует, что руководители перед героями «Экспедиции...» вроде бы поставили какую-то сверхзадачу, а в чём суть её, автор не раскрыл. Березюк пишет: *«... И события, выпадающие на их (героев) долю, в подавляющем своём большинстве к «серьёзной задаче» никакого отношения не имеют. При незначительной правке героев повести можно было бы превратить в туристов, оставив за ними большинство тех приключений, которые испытали участники экспедиции...»*. И далее: *«... И, однако же, уверен: «Экспедиция...» во многом бы выиграла, если бы её герои действовали не возле дела, а внутри его»*.⁴⁹ По сути, это единственное замечание критика писателю. Прав критик или нет, судить может только читатель. Сам же автор повести преследовал иную цель — показать внутренний мир человека, его отношение к жизни и психологию в момент выбора: идти тер-

⁴⁸ Из личного архива Шнайдера В. А.

⁴⁹ Из личного архива Шнайдера В. А.

нистой дорогой, но с чистой совестью и чувством выполненного долга (когда этого никто не увидит и, возможно, не оценит) или же пойти с совестью на сделку и выбрать более лёгкий и короткий путь, тем более что этого никто не увидит и не узнает.

Юбилей. Половина века. И, как принято считать, половина пути. Много это или мало? Для кого как или кто чем меряет. Пройденный путь Виктора Николаевича к этим годам был отмечен многими хорошими делами. Главное, конечно, крепкая семья. На втором месте — надёжные друзья. Как журналист написал не один десяток крепких и нужных очерков, сотни статей и заметок. Как писатель — восемь книг. Сотням людей помог в различных жизненных ситуациях. Одним словом — полжизни прожито не зря.

От органов власти Виктора Николаевича с юбилеем поздравил Комитет по телевидению и радиовещанию Алтайского крайисполкома.

1973 год принёс Виктору Николаевичу много приобретений и потерь, а вместе с ними радостей и огорчений. Впрочем, всё это, наверное, происходит ежегодно со многими людьми, только относятся все к таким ситуациям по-разному. Виктор Николаевич и радости, и огорчения, как мы уже говорили, никогда не выставлял напоказ, держал в себе.

Например, ему было очень приятно, когда его ученика Евгения Гущина на общем собрании 21 февраля единогласно решили рекомендовать в Союз писателей.⁵⁰ Не зря учил, не впустую тратил время, если всё отделение писательской организации признало Евгения достойным быть в своих рядах. И очень долго и сильно переживал смерть друга Александра Трескова, который скончался практически у него на руках 6 марта во время возвращения с рыбалки.⁵¹ Для него это был уход не просто близкого

⁵⁰ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 50.

⁵¹ КГКУ ГААК Ф. Р1368, оп. 2, д. 66.

человека, а родного во многих отношениях. В одном лице он потерял единомышленника по жизни, собрата по литературе, брата по любви к природе и просто надёжного и порядочного человека, который мог сказать правду в глаза, какой бы горькой она ни была.

Но, как правило, если судьба у хорошего человека кого-то забирает, то взамен всегда приводит другого. Виктора Николаевича и Зою Михайловну судьба свела с Борисом Сергеевичем Гусевым — личностью неординарной и талантливой, журналистом и писателем. С 1959 года по 1980-й он работал в газете «Известия» собкором, заведующим корреспондентским пунктом в Ленинграде и специальным корреспондентом в Москве при секретариате «Известий». Автор книг «Открытие», «Дороже золота», «Ось жизни», «Имя на камне», «Выход из окружения. Жамсаран и его дочь», «Доктор Бадмаев» и других. Ещё Гусев совместно с Дмитрием Мамлеевым написал сценарий о герое Великой Отечественной войны Иване Зуеве. По их сценарию кинорежиссёр Роман Кармен снял документальный фильм «Смерть комиссара». Кстати. Очень интересная и родословная Гусева: его дед по матери — знаменитый Пётр Александрович Бадмаев — основатель тибетской медицины в России, действительный статский советник, крестник Александра III и друг Григория Распутина. Неплохая биография для советского периода?

В начале 1974 года Борис Гусев подписал Виктору Николаевичу свою новую книгу «Ось жизни», выпущенную издательством «Советская Россия» в серии «Писатель и время». Подписал размашисто, коротко: *«Виктору, туляку, другу, писателю, на добрую память от автора»*.⁵²

Нередко бывает так, что писатель создаст произведение, выпустит в самостоятельную жизнь, а тема всё никак не отпускает его. Живёт в сознании, ширится и, наконец, захлёстывает и усаживает за письменный стол. Бывали

⁵² С оригинала из личного архива Шнайдера В. А.

такие случаи и с Виктором Николаевичем. Например, в 1969 году он написал приключенческую повесть для юношества «Пожар в Назаровском». Через год она была издана отдельной книгой. Но с героями повести автор не смог расстаться, видимо, не всё ещё рассказал про Венку и Борьку, и вот через три года они, уже повзрослевшие, возвращаются к читателям в новом произведении «В свои ворота».

Пройдя все полагающиеся круги, повесть «В свои ворота», подкреплённая полюбоившимся читателям «Пожаром в Назаровском» и несколькими рассказами, была издана в 1974 году. Читатели приняли хорошо, а вот некоему критику С. Айрапетову кое-что в новой повести не понравилось, и он высказал свои замечания на страницах второго номера журнала «Детская литература» за 1976 год: *«К сожалению, в повести недостаточна художественная мотшировка событий и ситуаций, не касающихся прямо классического треугольника (Венка — Наташа — Борька), они не оказывают существенного влияния на внутреннюю жизнь героев. Герои книги проявляют доброту, смелость, принципиальность, честность, но эти качества не обусловлены индивидуальностью персонажей, а даются автором априорно... Хочется пожелать Виктору Попову не увлекаться чрезмерным употреблением юношеского сленга... Жаргон нивелирует речевые характеристики героев, подменяя их. От более взыскательного и чуткого отношения к слову будущие книги автора только выиграют»*.⁵³

Хорошо быть критиком. Герои вроде бы и проявляют что-то доброе и честное (как-то ведь критик это понял), но делают это без огонька, априорно.

В очередном сборнике «Родная природа» (1974 г., составитель М. Кондратюк) опубликован рассказ В. Попова «Хищники» о браконьерах-рыбаках. Читаешь и чувствуешь, каким негодованием переполнена душа автора. Кажется, будь у него возможность, он бы этим браконьерам руки и ноги пообломал. Вот как автор описывает брако-

⁵³ Из личного архива Шнайдера В. А.

нтеров: «Это были хищники, которых почему-то называют благозвучно браконьерами. Когда появляется на озере или реке вот такая подгулявшая, наглая компания, одиночкам-рыболовам делать нечего. Эти люди обладают удивительной способностью производить удручающе разрушительную работу. Они напролом лезут через тростник и осоку, взмучивают застоявшуюся прибрежную воду, и воздух долго хранит тлетворные запахи разложения. Нарушая девственную красоту берегов, они марают их отбросами, усыпают консервными жестянками и порожними бутылками... Ничего общего не имеют они с... семьей рыболовов... Хищникам нужна рыба. Они ставят сети, черпают рыбу наметками, бреднями, заставами, кривдами, они придумали противоестественную в своей основе добычу рыбы ботом...». Чувствуете неравнодушие? Ещё и потому понимает, что сам читатель с такими хищниками встречался и также на них злился.

Бывают литераторы кабинетные, домоседы, а В. Попов был непоседой. На встречи с читателями один или в группе других писателей ежегодно направлялся для пропаганды творчества и поднятия трудового духа и энтузиазма в районы края в период посевных кампаний; проводил творческие встречи с коллективами промышленных предприятий, в школах.⁵⁴ В 1976 году с 10 по 15 сентября участвовал в работе семинара молодых писателей в Бийске.

В начале 1976 года по договору с Алтайским книжным издательством он как редактор-составитель подготовил к печати сборник повестей и рассказов начинающих писателей «Журавлиное лето», в который вошли повесть А. Егорова «Ждите нас в мае», рассказы Н. Черкасова, В. Слободчикова, В. Извекова, Б. Стукачёва, В. Свинцова, Л. Ершова, А. Михайлова и И. Заволжина.

В конце 1976 года, а точнее, 8 декабря Виктору Николаевичу подарил свою очередную книгу «Красные лисы» Е. Гушин: «Виктору Попову с уважением и благодарностью»

⁵⁴ Из личного архива Шнайдера В. А.

от ученика. За всё хорошее».⁵⁵ Как бы там ни было, что бы между писателями ни происходило, а уважение учеников к учителям всё-таки оставалось надолго.

В ноябре того же года на заседании бюро писательской организации Виктора Николаевича выбирают в комиссию по подготовке проведения юбилея Н. Чебаевского.⁵⁶ В. Попов, будучи человеком слова и надёжным во всех отношениях, в писательской организации постоянно участвовал в работе всевозможных комиссий: по юбилеям, ревизионной, счётной и т. д. Друзья и товарищи были уверены — Попов сделает всё в срок и с должным результатом.

В июле 1976 года в гостях у Виктора Николаевича и Зои Михайловны снова побывал Глеб Горышин. Ленинградцу (спасибо, ГАЗ-69!) показали красоту Горного Алтая и обские просторы, позволили прочувствовать утреннюю рыбалку и насладиться неспешным сбором маслят. В память об этих днях Горышин подписал друзьям свою новую книгу «Повести и рассказы», изданную в январе 1976 года Ленинградским отделением «Художественной литературы»: «Зое, Виктору — сердечно — Г. Горышин. Барнаул, 76». Скупость на слова у Горышина сохранилась на всю жизнь. Посещая Барнаул в 1997 году, он подписал Поповым свой новый сборник стихов «Возвращение снега» почти так же: «Зое, Виктору — дружески, сердечно — Г. Горышин. Барнаул, 17.XI.1997».⁵⁷

В конце 1977 года в альманахе «Алтай» по ряду причин происходит смена редакционного совета. Тщательно и горячо обсуждалась каждая кандидатура. Сколько вытряхнули пыли из углов, сколько грехов и грешков вспомнили. Но как бы писатели ни горячились и кого бы ни выдвигали в редсовет, последнее слово было за всесильным крайкомом КПСС. А там к этому вопросу подходили очень

⁵⁵ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 65.

⁵⁶ С оригинала из личного архива Шнайдера В. А.

⁵⁷ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 76.

дотошно. Внимательно изучали характеристики, отзывы и послужной список соискателей. Новый совет был утверждён крайкомом 16 января 1978 года в следующем составе: В. Башунов, П. Бородкин, Е. Гушин, В. Дубровская, И. Казанцев, Л. Квин, В. Попов, Н. Черкасов.⁵⁸

Теперь дел у Виктора Николаевича добавилось. Для каждого номера он обрабатывал какой-нибудь материал. И вот что интересно, как только в книжное издательство поступала рукопись автора, которому и отказать неудобно, и для печати она явно слаба, так её обязательно отдавали на рецензию Попову. Бросали его на амбразуру. То же самое практиковалось и в альманахе «Алтай». Прислал однажды свои рассказы Валерий Золотухин. Личность известная и, разумеется, с большими связями не где-нибудь — в самой Москве. Тем более что прислал он рассказы не напрямую, а через третьи руки. Ознакомились в редакции с произведениями столичного автора — слабоваты. Что делать? Никому неохота обижать известного актёра. В итоге рассказы Золотухина дали на рецензию В. Попову. Для сохранения исторического факта приведём весь текст рецензии Виктора Николаевича на рассказы В. Золотухина: *«Признаться, я был несколько озадачен, получив на рецензию эти вещи. Не столько, собственно, самими вещами, сколько обстоятельствами, при которых они поступили в альманах. Рассказы напечатаны на машинке, подписи под ними нет. И лишь из сопроводительной, написанной жителем с Белокурихи В. Ащеуловым, явствует, что автор «попросил выслать вот эти рассказы». Я подумал: фальсификация. Видимо, В. Ащеулов решил воспользоваться именем популярного артиста, тем более, что наряду с рассказами В. Золотухина он предложил альманаху и собственные слабенькие газетные зарисовки.*

Однако по мере чтения эта мысль отпала. Рассказы действительно написаны, на мой взгляд, Золотухиным. Чувствуются его стиль и манера.

⁵⁸ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 89.

Из представленных рассказов более художественно ценен и социально значителен «Иван, поляк и карьера». Маленький, привыкший пресмыкаться перед сильными мира сего человек вдруг волей случая получает право быть на равных с великими. Больше того, по ходу действия он должен даже покрикивать на них, оскорблять, пусть на сцене, а не в жизни, однако он настолько привык к раболепству, что и в мыслях не представляет себе такой возможности. В результате — снова жалкое прозябание. Великолепный гротеск. Тем более, в повседневности мы немало находим примеров раболепия, низкопоклонство и так далее. Ей-богу, я был бы обеими руками за его публикацию, если бы... если бы не существовал великий образец. Я имею в виду «Смерть чиновника».

Что же касается «Стариков», то это не столько рассказ, сколько художественно изложенная сельская байка, которая подходит больше для рассказов в узком кругу, а не для широкой публикации. Не знаю, может, где-то рассказ и опубликуют, но, думается, произойдёт это не потому, что прельстятся его художественными достоинствами, а будут заморожены фамилией автора. Я же, со своей стороны, «Стариков» альманаху рекомендовать не стал бы.

В чём суть вещи? Двое: Абросим Назин и Миколай Сычѳв — любили одну девушку — Фетинью. Миколай был инвалидом, и она, разумеется, предпочла Абросима. Прошло время, Абросим занемог, врачи признали у него рак. Тогда он выгодно сбывает свою жену Миколаю — сходятся на двух ящиках водки. И Абросим начинает смертельно хлестать горькую. Люди, которые заболели вместе с ним и последовали врачебным советам, давно померли. А горький пьяница выжил. Вылечила его водка. И он начинает требовать жену обратно, уже без выкупа. Ни она не хочет возвращаться, ни Миколай не хочет её отпускать. Тогда Абросим уводит Фетинью как скотину — на верѳвке... Здесь всё вызывает протест, всё оскорбляет эстетическое начало в человеке. Допустим, что где-то подобное случалось, что людская молва раздула нелепый случай и он дошёл до ушей автора. Но, право же, пусть он остаѳтся достоянием устного творчества. Не всякий же фольклор можно печатать. На мой взгляд, «Старики» стоят именно в этом ряду.

Таково моё мнение. Но ещё раз повторяю: очень неудобно рецензировать случайные вещи, которые истинный автор не удостоивает собственного внимания.

В. Попов, член СП».⁵⁹

Вот такая рецензия. Жёсткая, но справедливая. Поиному Попов и не умел. Кстати, эта рецензия была написана после общего собрания в 1979 году, на котором поднимался вопрос и о качестве произведений, публикуемых в альманахе «Алтай».⁶⁰ Именно за качество Виктор Николаевич и боролся.

Помимо журналистики, работы в книжном издательстве и редсовете альманаха, а также создания собственных произведений, Виктор Николаевич очень много помогал и начинающим писателям. Назовём некоторых из них: Е. Гуцин, В. Слободчиков, В. Шнайдер, В. Марченко, Б. Сохорев, А. Гусев, В. Корниенко, А. Суханов, В. Свинцов, И. Олиферовский. С теми, кто понял его искреннее желание помочь, отношения сложились хорошие и сохранились до конца жизни, а те, кто не оценил этого и пренебрёг советами, выплывали самостоятельно. Некоторым удалось.

В качестве примера того, как понимали и принимали советы Виктора Николаевича, приведём письмо Владимира Марченко: «Виктор Николаевич, здравствуйте. Беспокоит Вас человек необязательный, прозаик никудышный.

Может быть, не принято писать письма по поводу казённых рецензий, но я хочу это сделать.

Мне просто нужно сказать Вам большое спасибо за всё доброе, что Вы для меня сделали. Хотели Вы этого или нет.

Спасибо. От всей души.

Во многом я не согласен с Вами. В тех местах, где Вы даёте оценку мне лично. Не знаю. Думается, что характеристики и рецензии пишутся для разных целей. В той части, где Вы писали на меня характеристику, Вы ошиблись, но в другой, где Вы

⁵⁹ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

⁶⁰ КГКУ ГААК Ф. 485, оп. 2, д. 102.

спокойно и доброжелательно отразили мои грубые просчёты, всё, к моему горькому стыду, верно.

И подолом. Надо было дать ещё резче.

Виктор Николаевич, я не ошибусь, сказав, что великой симпатии Вы ко мне не испытываете. И дело-то не в этом. А как раз Вы через эту рецензию открыли, банально говоря, мне глаза (желали Вы этого или нет), но я увидел многое, чего раньше не замечал, на что и внимания-то обращал мало.

И хотя рецензия Ваша всего лишь официальная бумага, а не дружеское письмо, я Вас по-прежнему буду считать своим учителем, что бы Вы обо мне ни думали, ни говорили с трибун (было такое).

Всего Вам доброго, Владимир Марченко. 10.10.1977». ⁶¹

Отношения учителя и ученика не испортились, как может показаться из письма. Несколькими годами позже Алтайское книжное издательство готовило к выпуску книгу В. Марченко «Лесной пожар», и рецензентом, от которого зависело, быть книге или нет, а также автором вступительного слова стал Виктор Николаевич.

23 января 1978 года начинающий писатель из Горняка Василий Корниенко прислал Виктору Николаевичу свою книгу прозы «Горный лён» с дружественной надписью и коротким письмом, в котором просил выслать ему обещанную год назад рекомендацию для вступления в Союз писателей: «... Вы можете сказать: что ж ты, шут гороховый, не напомнил в Барнауле? Знаете, неудобно было, без книги-то...».

А вот как подписал книгу «Лопухий бес» Владимир Свинцов: «Другу моему и наставнику — Виктору Николаевичу Попову, от всей души, с пожеланием Здоровья, Здоровья, Здоровья и Долгих лет жизни. 08.10.1986». Или «Временный вариант»: «Другу, Наставнику и учителю с пожеланием здоровья и любовью. 01.06.88». ⁶²

Это только говорится: заботимся о будущей смене, пестуем начинающих. Редко кому из мэтров достаёт терпения

⁶¹ Из личного архива Шнайдера В. А. Орфография и пунктуация оригинальные.

⁶² С оригинала из личного архива Шнайдера В. А.

и желания возиться с молодым выводком, теснящимся у ворот в Большую Литературу. Надо иметь щедрую душу и искреннее желание разглядеть талант, а потом помочь ему. Кто придёт на смену, всегда волновало Виктора Николаевича. Ни одну книгу, ни одну журнальную публикацию молодых он не оставлял без внимания. Прочитывал и давал рецензию, где отмечал авторские находки и недоработки. Этой теме и была посвящена большая статья Виктора Николаевича «Первая книга (заметки писателя о творчестве молодых)». ⁶³ В ней слиты воедино любовь к *Матушке-Литературе* и боязнь за её будущее, радость находок и горечь разочарований. Вот как автор говорил об идущем следом поколении писателей: «Сколько их, способных ребят, в своё время подававших серьёзные надежды, так и захирели в любовании тощим багажом разовой удачи. Обидно, очень обидно, но увя...». ⁶⁴

Винил в этом автор не только самих начинающих писателей, но и собратьев по перу, которые, видя, как топчется на месте уже было заявивший о себе литератор, как другой такой же пытается «почивать на лаврах» первого успеха, не говорили об этом в голос, а шептались за углами, не называя имён и произведений. В своей статье он писал: «Не хочу прибегать к подобным стыдливому умолчанию, ибо считаю, что товарищеский разговор должен вестись в полный голос, чтобы обе стороны несли за него полную меру ответственности...». ⁶⁵ Далее Виктор Николаевич подробно и объективно говорил о работе Анатолия Михайлова и Евгения Гаврилова, Валерия Слободчикова и Виталия Марчука. О том, как вместо того чтобы трудиться над словом, слогом, сюжетом, молодёжь упорно штурмует книжное издательство, дабы потешить тщеславие... Статья была пронизана болью маститого писателя за Литературу. А в конце мастер дал начинающим хороший совет: «Живопишущая детали, надо быть точным так же, как при описании

⁶³ Газета «Алтайская правда» за 17 и 18 мая 1980 г.

⁶⁴ Из личного архива Шнайдера В. А.

⁶⁵ Из личного архива Шнайдера В. А.

основных событий и характеров». ⁶⁶ Всё верно, в литературе нет незначительного, каждое слово, каждый штрих имеют своё предназначение и цену.

Мы очень рекомендуем современным писателям прочитать эту статью — сегодня она актуальна, как никогда.

Несведущие люди полагают, что писатель творит, только когда сидит за столом. Это не так. Автор, даже если бы захотел, не смог прекратить этот непрекращающийся процесс. Герои, их характеры, диалоги, события, причины, темы бесконечно проигрываются в голове, что-то оседает, другое дополняется, изгоняется, шлифуется... История знает массу примеров, когда произведения вынашивались создателями годы, а на бумагу ложились за несколько дней.

В связи с внутренней работой писателя существует и ещё одно заблуждение. Если у него в течение нескольких лет не издаётся ничего нового, всегда у окружающих наготове ярлыки: творческий кризис или, того хуже, — исписался. Уверяем — творческая личность никогда не может быть в бесплодии и уж тем более у неё никогда не иссякнут темы. Более того, у настоящего писателя (художника, музыканта) задумок, как водится, не один десяток. И нередко случается, что он параллельно работает над несколькими произведениями.

А ещё в творческих кругах (естественно, советского периода) было не принято распространяться о тех вещах, которые в работе, и уж тем более не раскрывать творческих планов и задумок — побаивались слезать. Не все, конечно, но добрая половина пишущей братии.

Виктор Николаевич принадлежал к людям, которые в такие приметы не верили, но, тем не менее, рассказывать о том, чего ещё нет, не любил.

Был у него в жизни период, когда ни в журналах, ни отдельным изданием крупных вещей не выходило. И окружение тогда молча наблюдало: чего это Попов затаился? Всег-

⁶⁶ Из личного архива Шнайдера В. А.

да продуктивный писатель и вдруг затих. Никак готовит что-то сенсационное. Домыслы подогревались переизданиями. Так, в 1979 году вышла книга, объединившая под одной обложкой повести «Закон-тайга», «Экспедиция спускается по реке», «Однодневка» и три рассказа. В 1981-м ещё переиздание — книга с названием «В свои ворота», включившая в себя «Пожар в Назаровском», «В свои ворота» и четыре рассказа, из которых три также были изданы ранее. В 1982 году к шестидесятилетию выпускается сборник «Повести. Рассказы». Повести — переиздание, а вот рассказы, кроме одного — «Ордер», новые — целая дюжина. Немного, конечно, для восьми лет, но подозрение о бесплодии исчезло.

В газете «Молодёжь Алтая» была опубликована статья поэта И. Пантюхова к юбилею Попова «Шестьдесят по шкале надёжности».⁶⁷ Статья небольшая — около трети полосы. Игорь Михайлович в ней мимоходом заметил, что на рабочем столе юбиляра лежат главы романа-хроники «Побратимы». Романа! До этого Виктор Николаевич романов не писал и планами о создании крупной прозы никогда не делился. Теперь причина затишья в его творчестве стала ясна.

Вернёмся в 1981 год. С 12 по 17 октября на Алтае проходил фестиваль «Алтайская осень».⁶⁸ В тот год он проводился в Заринском, Тогульском и Кытмановском районах. Масштаб фестиваля впечатлял. Только профессиональных писателей из Томска, Новосибирска, Красноярска, Омска, Кемерово и Барнаула участвовало 28 человек. К этому нужно добавить композиторов и актёров. Несколько бригад деятелей литературы и искусства ездили по районам и выступали перед тружениками на заводах, фермах, в мастерских, библиотеках, дворцах культуры и клубах. Всего проведено 395 выступлений. В Заринском районе — 106,

⁶⁷ «Молодёжь Алтая», 01.06.1982 г.

⁶⁸ КГКУ ГААК. Ф. 485, оп. 2, д. 127.

на Коксохиме — 75, в Заринске — 72, Кытмановском районе — 66, Тогульском — 76. В своей компании Виктор Николаевич был в центре внимания. Не на сцене, где он так же, как все, рассказывал о героях своих произведений, отвечал на вопросы слушателей, а вечерами в гостинице. Как правило, собирались в его номере, и за стаканчиком «чая» он рассказывал рыбацкие истории или случаи из колымского периода своей жизни. Да и что было делать, когда в заринской гостинице «Чумыш», где писатели проживали во время фестиваля, три дня не было света! В темноте только и остаётся, что байки травить.

Накануне своего шестидесятилетия Виктор Николаевич обратился в писательскую организацию с заявлением подтвердить его творческий стаж. В те годы профессионалам от литературы период нахождения на вольных хлебах (разумеется, с членским билетом) при достижении пенсионного возраста засчитывался в трудовой стаж.

4 мая 1982 года состоялось заседание бюро АКПО, на котором были рассмотрены представленные В. Поповым документы — написанные им книги, публикации в печатных изданиях — и принято решение: творческий стаж его считать с 14 октября 1951 года — с первой литературной публикации: рассказа «Дело чести» в газете «Советская Колыма» в № 243.⁶⁹

В июне 1982 года Виктор Николаевич отмечал юбилей — шестидесятилетие. Возраст, когда принято подводить итоги, благо Попову было что записать себе в заслуги к этому времени. Поздравления пришли из Кемерово и Красноярска, Тулы и Москвы, Ленинграда и Новосибирска, Горного Алтая и Казахстана, Омска и Куйбышева. Как уже говорилось, друзей по городам и весям у Виктора Николаевича было немерено. Вот интересное поздравление в стихотворной форме от братьев-писателей Алтая:

⁶⁹ КГКУ ГААК. Ф. 485, оп. 2, д. 76.

Не тронутый заботой о бессмертии,
Ты на земле живёшь, как надо жить,
И в нашей повседневной круговерти
Единственным умеешь дорожить:

Чтобы согласно с нашим жёстким веком
Везде и всюду быть самим собой,
Чтоб Человек остался Человеком,
Какой бы он ни мечен был судьбой.

И потому все шесть десятилетий —
Хлестал ли дождь, ярилась ли пурга —
Ты говорил без всяких междометий:
«Закон-тайга».

Бывало всё, но главное — работа,
В которой сам себя Ты забывал.
Случалось — пропускал в свои ворота,
Но больше всё ж в чужие забивал!

Пускай завистник в острой перепалке
Заметит: Ты не молод, не силен.
Возьми его с собою на рыбалку —
Наверняка он будет посрамлён.

Мы оптимисты. В это каждый верит,
И, надо думать, верит неспроста.
Так пусть судьба Тебе ещё отмерит —
Не будем жадны! — этак лет... полста!⁷⁰

С юбилеем и 30-летием трудовой деятельности на Алтае Виктора Николаевича поздравил комитет по телевидению и радиовещанию Алтайского крайисполкома. Все телеграммы, письма, открытки, памятные адреса и т. д., связанные с шестидесятилетием, сохранились в архиве Виктора Ни-

⁷⁰ С оригинала из личного архива Шнайдера В. А.

колаевича. К сожалению, среди них нет ни одного тёплого слова от управлений культуры ни города, ни края. Забыли? Нет, такое невозможно упустить из внимания — в литературе края и общественной жизни Виктор Николаевич фигурой был заметной и значительной. Невозможно забыть, можно только обойти или сделать вид, что забыли...

Чуть позже, 15 июля 1982 года, в Союзе писателей, в доме № 11А на проспекте Строителей, исполняющий обязанности ответственного секретаря Е. Гущин вручил Виктору Николаевичу медаль «Ветеран труда».⁷¹

В жизни Виктора Николаевича, наверное, не было года, когда бы он не встретился с интересным человеком. В основном, конечно, знакомство происходило по произведениям. Затем или завязывалась переписка, или происходила встреча. Как встретились и подружились Виктор Николаевич со знаменитым поэтом Владимиром Карпенко, установить не удалось. Да это и не важно. В октябре 1983 года поэт на короткое время приезжал на Алтай и встречался с Поповыми. Поговорить им было о чём. Карпенко с Поповым одногодки. Оба заядлые рыбаки и грибники. Карпенко представлял интерес и для Зои Михайловны, как журналиста: участник Советско-финляндской и Великой Отечественной войн, разведчик. Автор многих поэтических книг и текстов песен к кинофильмам «Страницы былого», «Голубая стрела», «Исправленному верить», «Чрезвычайное происшествие» и др. Особой популярностью из песен пользовались «Я сказал тебе не все слова» из кинофильма «Исправленному верить» и «Ах, какая драма «Пиковая дама» из «Страниц былого». Владимир Карпенко в соавторстве с Игорем Акимовым написал несколько повестей о военных разведчиках. Для писателя и для журналиста человек с таким талантом и такой биографией редкая находка.

В память о встречах Владимир Карпенко подписал алтайским друзьям свою новую книгу «Избранное», вы-

⁷¹ КГКУ ГААК. Ф. 485, оп. 2, д. 137.

пешую в 1983 году в издательстве «Художественная литература». Надпись: «Зое Михайловне Александровой и Виктору Николаевичу Попову на добрую память о встречах на Алтае. 16 октября 1983 года. В. Карпенко».⁷²

Но продолжим о начинающих. Для Виктора Николаевича было важно, кто примет эстафету. Здесь нужно сказать о том, что Попов относился к той касте наставников, которая рассматривала не автора, а произведение. Почему мы заостряем на этом внимание? Да потому, что во все времена были и есть писатели, для которых в первую очередь важен автор. Если получится у молодого литератора понравиться Мастеру, тот будет работать над его рукописью аккуратно, с любовью. А если не нравится автор по каким-либо причинам, то и к произведению отношение будет предвзятое. И окажется автор хоть трижды гением, а его труд — созданным по всем канонам художественной литературы, он будет разбит в пух и перья, если автор не «свой» человек.

В писательскую организацию прислал свою рукопись некто Сомов. По рассеянности или по какой другой досадной причине, но автор не указал ни имени, ни отчества. Произведение называлось «Чёрный Дол» и повествовало о крестьянском восстании в сентябре 1918 года под Славгородом. Вычитать рукопись и подготовить рецензию поручили Виктору Николаевичу. После прочтения Попов пишет автору: *«Уважаемый тов. СОМОВ! (К сожалению, в записках, сопровождающих рукопись Вашей повести «Чёрный Дол», Вы не указали своего имени-отчества).*

*Хотел я было по просьбе нашей писательской организации написать на Вашу рукопись рецензию. Но такое откровение, которым Вы сопроводили свой первый литературный опыт, на мой взгляд, требует не рецензии, этого в какой-то степени всё же официального разбора прочитанного, а личного письма, обязывающего больше к душевности, нежели к «служебности».*⁷³

⁷² С оригинала из личного архива Шнайдера В. А.

⁷³ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

Далее Виктор Николаевич отмечает выбранную автором тему, правдоподобность сюжета, удачные моменты и подбадривает: «... мне бы очень хотелось, чтобы Вам сопутствовала удача». Для начинающего писателя такое напутствие равносильно расправлению крыльшек. Затем начинается детальная работа над произведением: «Но должен Вас огорчить: художественного произведения у Вас не получилось, хотя, как мне кажется, литературных способностей Вы не лишены. Вся беда в том (кстати, Вы сами это подчёркиваете), что у Вас мало литературного опыта, а, скорее всего, даже нет совсем». На двух машинописных страницах рецензент раскладывает упущения и провалы. На первый взгляд покажется, что повесть разбита вдребезги и автор сражён. Но окончание письма говорит об обратном: «Я понимаю, что в письмах всё не скажется и не всё услышится». В личном разговоре, конечно, можно было бы поговорить гораздо дальше. И коснуться азов творчества, незнание которых Вам очень мешает. В письме же, как мне кажется, я высказал главные претензии к тому, что написано, и дал советы, которые, на мой взгляд, могут помочь в дальнейшей работе».⁷⁴ Не оттолкнул, не отделился официальной сухой рецензией, а дал хороший урок и пригласил к работе, предложил помощь.

После этого письма состоялось личное знакомство автора повести и рецензента, и закончилось оно... дружбой на долгие годы. Константин Сомов по сей день благодарен Виктору Николаевичу за хорошую литературную школу.

После повести «Чёрный Дол» была работа над новой повестью Сомова «Цирк». И по рецензии видно, что рецензент доволен работой начинающего писателя, но, тем не менее, недочёты нашлись, и Виктор Николаевич пишет: «Вещь готова к печати с условием совершенно незначительного редактирования. Когда будет скоординирована со всем остальным линия Зои и Игоря, думается, все претензии будут сняты».⁷⁵

⁷⁴ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

⁷⁵ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

Работа опытного, матёрого писателя над шлифовкой пера молодого, начинающего писателя была жёсткой, бескомпромиссной и, видимо, поэтому вскоре принесла свои плоды. За первую часть повести «Бесы, «черпаки» и другие», опубликованной в журнале «Алтай», Константин Сомов получил ежегодную премию редколлегии журнала и Алтайского книжного издательства. Как написал Виктор Николаевич: *«Без всяких скидок — премию он заслужил».*

В рецензии на вторую часть повести «Бесы, «черпаки» и другие» Виктор Попов по большому счёту дал Сомову путёвку в самостоятельное плавание: *«Я уже несколько лет слежу за его вхождением в литературу. И, на мой взгляд, шаг его достаточно уверенный».*⁷⁶

На такие отзывы Виктор Николаевич был скуп. Очень. Просто так ими не разбрасывался, а выдавал только заслуженно.

Точно так же бережно и с огромным желанием он помогал не молодому, но начинающему поэту и прозаику из Бийска Ивану Семоненкову и всё по той же причине — увидел в человеке не ремесленника, но творца.

Их знакомство, если опираться на официальные документы, имеющиеся в архиве Алтайского края, состоялось во второй половине 70-х. Но тогда Семоненков не мог попасть в рабочее поле Попова, потому как пробовал свои способности в поэзии. Сближение их, всего скорее, началось в конце 80-х, когда Семоненков взялся осваивать прозу. На один-два рассказа, как правило, рецензии не писались, а делались пометки на полях или всё высказывалось при личной встрече, а вот по более крупным произведениям обстояло иначе. Серьёзный разговор учителя и ученика начался с повести «Всегдашняя боль». Несмотря на то, что это было первое крупное прозаическое произведение начинающего автора, Виктор Николаевич рассматривал его не как пробу в новом жанре, а как произведение серьёзного, вдумчи-

⁷⁶ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

вого и способного говорить по-своему писателя. Из рецензии: «Некоторые эпизоды, превосходно написанные, волнуют, заставляют читателя сопереживать, толкают на собственный анализ, который выходит далеко из рамок, предложенных И. Семоненковым... И, тем не менее, редколлегия журнала «Алтай» рекомендовать напечатать эссе... в существующем виде я не решаюсь. Вещь требует серьёзной доработки, а во многом «перевода» на язык, доступный читателю. Неудачу автора я отношу к случайности, ибо, судя по всему, Иван Семоненков — литератор способный, и, думаю, что творческую дружбу журналу «Алтай» с ним следует продолжить».⁷⁷

Когда один умеет ясно выражать свои мысли, а другой не пропускает их мимо ушей, результат не заставит себя ждать. Так произошло и в работе Попова с Семоненковым. Видя, что начинающий писатель прислушивался, хотел и умел работать над словом и рос от произведения к произведению, Попов в 1991 году, составляя для издательства сборник прозы, попросил Ивана выслать какое-нибудь своё произведение.

Виктор Николаевич умел одинаково искренне и глубоко радоваться, когда в руки попадало новое хорошее литературное произведение, и огорчаться бездарно написанному опусу, когда автор оказывался глух к советам и замечаниям. Вот пример из рецензии на повесть В. Зайцева «К барьеру»: «По просьбе автора эта вещь попадет мне на отзыв вторично. Помнится, после первой рецензии мы с Валентином разговаривали по сути произведения долго и подробно. Разбирали ситуацию, толковали о возможных путях исправления повести. Мне даже казалось, что после определённых переделок её можно будет рекомендовать альманаху «Алтай». И вот передо мной второй вариант. Он по сути дела не только не сильнее, а, пожалуй, даже слабее первого... Понимаю, конечно, что это очень огорчит Валентина Зайцева, но что поделаешь — художественная литература есть художественная литература, и человек, взявшийся за перо, должен

⁷⁷ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

знать, что существуют определённые требования, которые необходимо выполнить. Литературная работа родственна любой другой работе. Если тот же токарь, например, обтачивая деталь, пренебрёг чертёжными размерами, деталь станет браком, непригодным к использованию. Это Зайцеву следует понять... Не стану в рецензии говорить о языке автора — к нему претензий масса...».⁷⁸ На шести страницах машинописного текста чётко читаются досада и расстройство рецензента.

Из рецензии на сборник рассказов В. Марчука: «Различные рассказы В. Марчука мне приходилось рецензировать не однажды. И, честно говоря, вызывали они у меня ощущение недоделанности, если можно так выразиться. Порой даже казалось, что автор балансирует на границе художественной прозы и графомании... По иронии судьбы в нынешнем сборнике первым лежал рассказ «Журнал сумасшедшего». Читая, я невольно сравнивал его с «Записками сумасшедшего» Гоголя, и всё время точила досадливая мысль: ну, неужели автор не понял направленности гоголевской вещи? Почему он действует так лобово?.. И уж совсем доконал пошловатый последний абзац... Сатирой вещь не пахла, пахла раздражённым зубоскальством, которое ничего, кроме недоумения, у читателя вызвать не могло... И принял я за рассказ «Из жизни голубей»... с явным предубеждением. Но буквально через несколько начальных абзацев предубеждение сменилось любопытством, а любопытство — нескрываемым удовольствием... Если у автора появится желание, я готов встретиться и поговорить с ним о его вещах более подробно, ибо мне думается, что в лице Марчука альманах может приобрести автора неординарного».⁷⁹ Видно, что Виктор Николаевич — объективный судья, и не станет высказываться обо всей рубашке по одному её обшлаго. Если вещь никому дышная — он так и говорил, а ежели хорошая, то и хвалил, и помогал дойти до читателя.

Вот выдержка из рецензии на произведение начинающего писателя Валерия Федина — роман/повесть «Склон-

⁷⁸ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

⁷⁹ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

ны гореть и взрываться»: *«Уважаемый Валерий Иванович! Прочитав Ваш роман... я некоторое время раздумывал: ограничиться ли мне обыкновенной рецензией или обратиться лично к Вам. Причина единственная: роман мне понравился. Чувствуется, что написан он человеком талантливым, от которого можно ждать большего, нежели он предложил.*

*Дело в том, что произведения подобного плана, написанные к тому же новичками, встречаются, честно говоря, довольно-таки редко...».*⁸⁰ В рецензии, конечно, были не забыты и ошибки В. Федина, и откровенно лишние куски, фразы и слова. Но было ясно, над чем работать, куда двигаться. Как и в предыдущем случае, Виктор Николаевич предложил автору свою помощь. Таланту нужно помогать — его девиз в литературе.

Отметим и то, что Виктор Николаевич очень не любил в литературном деле поверхностного знакомства автора с темой, неточного употребления слов. Никакие приятельские и даже дружеские отношения не спасали автора от хлёсткой критики. Приведём несколько примеров. В рецензии на повесть В. Свинцова «Деревня Крестьянка» Виктор Николаевич приводит ряд неопровержимых доказательств незнания автором сельского труда и быта. То же проделывает с языком произведения — основе основ художественной литературы (так написано в рецензии): *«Чтобы уже не возвращаться к языку, каким написана повесть, приведу несколько примеров, которые убеждают, что автор не в ладах не только со структурой литературной фразы, но грешит и по части чисто грамматической. «Да что там и говорить, скотные дворы желали лучшего», «Пётр Иванович был на курорте со своей ногой», «В кабинет вместе со стуком входил председатель колхоза». И здесь примеров обилие... произведение, написанное кондовым канцелярским языком, художественным не является... художественная литература не терпит верхозаглядства, в ней далеко не всякое лыко в строку... Не доходит, видимо, до него чеховская мудрость: пишут подмастерья, зачёрки-*

⁸⁰ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

вают — мастера. Очень жалко, что не доходит».⁸¹ Шестнадцатистраничная рецензия полна негодования и ярко показывает, что литература и русский язык для рецензента святы.

В рецензии на сборник М. Юдалевича «Кто поймал Жар-птицу»: «При жизни Ползунова его машина не работала, поэтому абзац «Под Жар-птицу он огромную машину поставил» звучит фальшиво. Так же воспринимается домысел о шубе-барнаулке, пролезающей в браслет... зацветает бесцветковый папоротник. А цветковый? Неверно употреблённым словом автор как бы разделяет папоротники на цветущие и не цветущие. «Вышли на луг. Бежит серенькая птичка. Для одного птичка и птичка, а другой знает, что это — коростель. Знает, как он поёт». Во-первых, бегущего коростеля практически увидеть невозможно, он так прячется в густой высокорослой траве, что собака, и та не всегда его обнаружит. Во-вторых, коростель не поёт, он кричит и довольно противно. Крик его напоминает «дерг-дерг-дерг», поэтому коростель по-народному называется дергач. При этом, в основном, кричит он в брачную пору... «У Барнаула большая история... потому что возник и вырос возле завода, на котором плавилась медь и серебро». На Барнаульском заводе медь и серебро не плавилась, они выплавлялись. И, наконец — заключительная фраза. «На основе старинных легенд и былей написана эта книга». Как это понимать? Книга, на мой взгляд, не написана на основе легенд и былей, а объединяет легенды и были, соответствующим образом литературно обработанные М. И. Юдалевичем».⁸² Жёстко, конечно, но справедливо. И, что самое главное, делу польза.

Алтайским книжным издательством готовился к печати сборник художественно-документальных очерков и повестей «Чекисты Алтая» (был издан в 1987 году под названием «Они были первыми»). Автор предисловия — начальник Управления КГБ по Алтайскому краю Г. А. Ба-

⁸¹ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

⁸² Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

ранов. Рецензент Виктор Попов. В сборнике несколько очерков краеведа В. Гришаева. В одном из них — «Запад-ня» — Попов обнаружил много неточностей и ошибок. Он обстоятельно разобрал эпизод. «А дальше и вовсе непонятно. Описываются трагические события гибели Алфёрова. Засада, в которую попал взвод, удалась бандитам лишь потому, что командир взвода ошибся. Вот как об этом говорит В. Гришаев: «Ошибка командира отмечена и в отчёте Ойротского отдела ОГПУ, только там командиром взвода назван не Алфёров, а Нечаев. (Кто он, установить пока не удалось)». Как же так? До этого всё меня убеждало, что Алфёров — командир. И вдруг какой-то Нечаев, неизвестно откуда взявшийся.

Неловкость создавшегося положения, видимо, чувствует и автор очерка: «Таким образом, Алфёров не командовал взводом, а находился в нём в качестве представителя облотдела ОГПУ. И вмешаться в неправильные действия командира взвода он, очевидно, не успел...». Путаница налицо, и слово «очевидно» не спасает. Во-первых, если он находился при взводе в качестве представителя ОГПУ, то его слово имеет большой вес. Стало быть, он просто-напросто его не произнёс. И потом... Откуда же всё-таки взялся Нечаев? Ведь ясно же начальник говорит Алфёрову: «Опытных боевых командиров у них нет. Поэтому я решил послать вас. Немедленно выезжайте туда и берите ВСЁ ДЕЛО в свои руки». Стало быть, не представителем ОГПУ выезжал Алфёров в формирования партийно-советского актива, а командиром...».⁸³

Так же дотошно В. Попов разобрался и с другим очерком — «Революцией призваны». Здесь речь пошла о стилистических прегрешениях автора. «Взглядитесь, читатель, в его фотографию (в фотографию Пчёлкина — В. П.). Не правда ли, он напоминает легендарного Павку Корчагина? Или орлёнка из песни «Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца»? Каким образом фотография может напоминать песню? Павел Корчагин — герой литературный. Разумеется, фотографии его быть не может. Больше того, по роману «Как закалялась сталь»

⁸³ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

осуществлено множество драматических и несколько кинопо- становок. Каждый раз роль Корчагина исполняли артисты, непохожие друг на друга. С кем из них предлагает нам сравнить Пчёлкина В. Гришаев?». ⁸⁴

В этом же сборнике Виктор Николаевич сделал существенные замечания к произведениям М. Юдалевича. Следующая выдержка — из рецензии на очерк «Университеты чекиста Дмитрия Жирко»: «Вспоминал и поход в Галицию, там он в 1916 году был ранен в сшибке с беляками на полях сражений гражданской войны...». Новость для читателя... начальный период гражданской войны датируется октябрём 1917 — маем 1918 гг. Явная неувязка... К тому же Галицкое сражение (1914) — сражение времён 1 мировой, а не гражданской войны... Думается, эти замечания редактору издательства при работе над рукописью учесть будет не лишне». ⁸⁵ И учли. Сборник вышел без десятков ляпов, спасибо рецензенту.

Совершенно раскалялся Виктор Николаевич, когда дурно написанные произведения какими-то путями, минуя редакторов и рецензентов, всё-таки издавались. И если прежде такое случалось редко, то в 90-х годах, когда стали печататься все кому не лень, макулатура беспрепятственно вылилась на прилавки книжных магазинов.

Один из таких опусов — «Барнаул — столица мира», авторы — братья Ореховы из Барнаула. Это издание, видимо, расстроило Виктора Николаевича донельзя ещё и тем, что бросало тень на Союз писателей. В 1992-м он пишет большую статью «Кошка, которой нет» и публикует её в журнале «Барнаул» № 1 в 1993 году. Предоставим слово Виктору Николаевичу: «И вот свершилось. Цензура снята, розаток нет, ... из всех щелей ринулись дилетанты, которые в недавнем прошлом издательствами воспринимались как курьёз. На распухшие от зарубежных детективов книжные полки пристраиваются хилые литературные подделки авторов, изда-

⁸⁴ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

⁸⁵ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

ющихся либо на средства невежественных нуворишей, либо на свои собственные. День ото дня поток нарастает. Воинствующее графоманство уже ведёт бои не местного значения, а настойчиво штурмует литературное понизовье...

Года два назад привлекла моё внимание брошюрка-перевертыш. На одной её обложке значилось: Николай Орехов, Сергей Орехов. «От первого лица». Фантастический рассказ. На другой: Александр Строганов. «Мелос». Издана книжица при содействии кооператива «Бит». Книга — в авторской редакции. Стало быть, равносильна автографу. Что же вынесли на читательский суд стихотворец-одиночка и тандем прозаиков?

Начал со стихов. С первых строк любопытство исчезло. В руках я держал типичную обманку. Претенциозный опыт сочинителя, литературными способностями в общем-то не обидённого, но внятно реализовать их не умеющего.

В своё время читал, как родилось в искусстве течение, утвердившееся впоследствии под именем «абстракционизм». Три молодых италянца-шутника натянули на подрамник холст, загрунтовали его, поставили рядом осла и несколько ведёрок с красками. Окунали ослиный хвост в ведёрки поочерёдно и предоставляли животному свободу действия. Осёл взмахивал хвостом, на полотне появлялись бессистемные мазки. Когда лоботрясам ослиные упражнения наскучили, они осла с миром отпустили, получившуюся мазню наименовали «Взошло солнце над Адриатикой» (за подлинность названия не ручаюсь, но что-то подобное). И отдали картину на выставку.

Критики тоже есть хотяят. Тут же нашли в «живописи» скрытый смысл. И пошла писать губерния...

«Один из моих соседей — двойник известного хазановского персонажа, который читал газеты в объёме «сколько оторвётся». Григорий по схожему методу читает книги: сколько успеет там и сколько осилит — в кровати перед сном. «Десять страничек заменяют одну таблетку демидрола», — шутит он. На днях Григорий зашёл ко мне. На лице задумчивость, руки играют книжкой. Страниц полтора в «фолианте».

— Слушай, Виктор Николаич, ты в книжках больше моего понимаешь. Как ни зайдёшь, все читаешь. Ты этих (полистал

книжицу, остановился на последней странице)... братьев Михайличей не читал? Не пойму, они меня совсем, что ли, за придурка ставят? Или писателям такое указание вышло: плети чего ни попадя, бумага, мол, что хошь выдержит?».

После этого Виктор Николаевич и решил поговорить о насущном открыто.

«... О литературном уровне сонмища нелепостей, озаглавленного «Барнаул — столица мира», говорить не приходится, потому что никакого уровня нет... Не в том беда, что эти и им подобные предприимчивые господа чистят карманы доверчивых читателей... Страшно воздействие халтуры на умы, беда в том, что мордуется наша и без того замордованная культура...»

Пришло время профессиональным писателям, если им дорого само словосочетание «художественная литература», поднять голос. Не могут, не имеют права профессионалы оставаться равнодушными к тому, что от их единственного детища летят клочья. «Не бойся врагов — в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей — в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных — они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство».

Для того времени статья была актуальна, но в наши дни она стала актуальней в разы. Она достойна того, чтобы привести её полностью, но это нарушит структуру очерка. Приведём ещё несколько отрывков из статьи и этим ограничимся, главное-то в том, чтобы показать неравнодушные Виктора Николаевича к засилью подделок в литературе: «Как бы ты отнёсся к человеку, который, плюсуя пять к шестнадцати, в сумме получает тридцать четыре? Назвал бы ты его математиком? То-то и оно! А вот людей, которые, ничтоже сумняшеся, пишут: «Александр Рейнгольдович встал, позёвывая, прикрываясь ладошкой», «вошёл в таксофон», «выскочил из таксофона», «наглючий скромняга», ты причисляешь к писательской когорте... Нельзя в таксофон войти и из него выйти, ибо таксофон — телефонный аппарат. «Наглючий скромняга». Это всё равно что сказать «высокий человек низкого роста»... Слова-антиподы, которые «в одну упряжку

впрямь не можно»... «Аполлон вдарил по всем тарелкам». О том, что в русском языке нет слова «вдарил», учат с малолетства. «Вдарил» позволительно использовать в прямой речи, подчеркивая безграмотность персонажа ...».

На нескольких страницах Виктор Николаевич с присущей его характеру прямолинейностью и жёсткостью доказывал, что литературы в опусе нет, а наличествует только безграмотная графомания.

Закончив вычитывать, он пишет: *«Ныне разгулялись авторы, а остановить их разухабистые перья некому... писатель тем и отличается от «неписателя», что, составляя фразы, помещает в них слова без чужой помощи... Границы дозволено разрослись необъятно...и пошла гулять по свету ещё одна помесь безграмотности и непристойности».*

Рекомендуем взять журнал «Барнаул» № 1 за 1993 год и прочитать всю статью. У всякого, кто привык с уважением относиться к русской словесности, она вызовет живой отклик.

Завершить же данный раздел хочется совсем другой историей. В 1987 году к шестидесятипятилетию писателя Виталия Шевченко была издана его повесть «Последний тайфун». В основу произведения легли события, происходившие в августе 1945 года на Дальнем Востоке, и автор был участником их. В подготовке книги к изданию принимали участие серьёзные специалисты: старший научный сотрудник отдела Японии ИДВ АН СССР В. Н. Бунин, генерал армии, бывший командующий 1-й Краснознаменной армией 1-го Дальневосточного фронта, дважды Герой Советского Союза А. Белобородов. Рецензировал книгу В. Попов. Благодаря эрудиции и профессионализму Виктора Николаевича из повести были вычищены «блоки», которые могли скомпрометировать это значительное произведение. Оценил помощь собрата и автор. Один из первых экземпляров «Последнего тайфуна» В. Шевченко подарил рецензенту с такой надписью: *«Строгому, честному и справедливому собрату по перу Виктору Попову с благодар-*

ностью за соучастие в рождении этой книги. Автор. 15 апреля 1987 г. Барнаул».⁸⁶

В 1985 году на заседании (25 апреля) бюро писательской организации Виктор Николаевич был избран уполномоченным литфонда по Алтайскому краю.⁸⁷ Этому предшествовали определённые события, о которых мы расскажем в другой книге. А пока скажем, что выбор пал на Попова не случайно. Во внимание были взяты его бескомпромиссность, порядочность, требовательность и открытость.

В это время Виктор Николаевич перерабатывал повесть «В свои ворота». Была у него такая манера — возвращаться к своим произведениям. Большинство писателей после издания произведения никогда не возвращаются к нему. Оно живёт своей жизнью, и автора это устраивает. Виктор Николаевич не оставлял никогда своих книг без пригляда. Он внимательно следил за их судьбой. Его волновало, читают ли, понимают ли их читатели, такими ли они увидели героев, какими он хотел показать.

Вот что подвигло его взяться за переработку повести: *«Несколько лет назад я написал повесть «В свои ворота». О чём она? Юные читатели, с которыми встречался на литературных диспутах, воспринимали содержание по-разному. Одни полагали, что это — повествование о неудавшейся любви, другие видели в вещи рассказ о затянувшемся детстве, третьи считали, что Венка и Федька в повести ищут приключения.*

И очень мало оказалось читателей, которые почувствовали в моих героях тех, кого я хотел изобразить: молодых людей, готовящихся к большой Жизни. В том, что замысел не понимали многие, я могу винить только себя. Значит, не так написал, неправильно расставил акценты...». И он работал с присутщими ему кропотливостью и требовательностью. Писал, перечёркивал, убирал, предложения, абзацы, а нередко и главы усекал наполовину.

⁸⁶ С оригинала из личного архива Шнайдера В. А.

⁸⁷ КГКУ ГААК. Ф. 485, оп. 2, д. 178.

Работа над повестью «В свои ворота» велась одновременно с подготовкой к печати первого романа, рецензентом которого был требовательный писатель Лев Квин, а редактором — начинающий, но прекрасно знающий литературу и чувствующий слово писатель Леонид Ершов. Судя по рецензии и редакторским правкам, горячих и длительных споров в процессе подготовки книги избежать не удалось.

Осенью 1986 года в жизни Виктора Николаевича произошли два знаменательных события. В начале осени издали его роман «Отчий дом», а в октябре на Алтай переехала семья писателей из Алма-Аты: Ольга Фёдоровна Гришко-Юровская и Игорь Фёдорович Юровский. Ольга Фёдоровна и Виктор Николаевич впоследствии стали друзьями. К месту будет рассказать и случай, после которого завязалась дружба. Ольга Фёдоровна сдала в издательство рукопись прозы «Троянский конь» из сибирской деревни».

Времена (1987-1989 гг.) были не из лёгких. Желающих напечататься в Алтайском книжном издательстве было с избытком. Предполагалось, что преимущества у местных — к тому времени в Алтайском отделении было около тридцати членов СП. А тут Ольга Фёдоровна со своей заявкой. И кто-то из «доброжелателей» посоветовал директору издательства отдать рукопись «чужого» на рецензию Попову в полной уверенности, что рукопись слабоватая и тот её «раскатает» по брёвнышку. Но просчитались недоброжелатели. Виктор Николаевич, повторимся, смотрел не на автора, а на произведение. Рецензия объёмная — двадцать три машинописных страницы. Не ошибёмся, если скажем, что это самая большая рецензия в истории литературы Алтая на одно произведение. Выдержка: «... Фамилия автора мне не сказала ничего. Я знал лишь, что Юровская издавалась в Казахстане, член СП. Поэтому читать начал с определённой осторожностью: как бы чего не упустить такого-такого, не ошибиться в оценке. Но буквально с первых страниц увлёкся и о «таком-таком» забыл напрочь. Передо мною была работа литератора-профессионала, имеющего и свою тему в литературе, и свой голос, и, что самое главное, свои убеждения... При чтении

ты настолько проникаешься сущностью представленного тебе человека и сочувствуешь ему так, как можно сочувствовать лишь личности, много повидавшей, много пережившей и глубоко несчастной от того, что судьба не сложилась, а годы своё взяли, жизнь подходит к закату...».⁸⁸ После такой рецензии директор издательства сам захотел прочитать книгу. В итоге библиотеки пополнились ещё одним томом настоящей художественной литературы «В четверг по вечерам», а на книжной полке Виктора Николаевича встала книга с дарственной надписью: «Родной душе — Виктору Николаевичу с благодарностью за всё! Авт. О. Юровская. Дек. 91 г.».⁸⁹

Вернёмся к роману «Отчий дом». Ещё до выхода отдельным изданием некоторые его главы были опубликованы во втором номере альманаха «Алтай» в том же 1986 году. Первым на новую книгу откликнулся начинающий писатель из Бийска В. Возчиков. Его статья «Заветы отчего дома» была опубликована во втором номере альманаха «Алтай» в 1987 году. Рецензия дежурная, без глубинной проработки.

А вот сам роман для читателей интересен тем, что во многом автобиографичен. Родители главного героя Славки Залесова названы именами родителей Виктора Николаевича. Кроме того, очень много схожего в жизни автора и Славки — ранняя смерть отца, болезнь матери, профессия матери. Над романом автор работал много лет. Возможно, больше десяти. Было в планах Виктора Николаевича написать вторую часть «Отчего дома» — об этом он сказал, когда я его спросил: «В конце романа написано — конец первой книги. Значит, будет и продолжение?» — «Обязательно будет».

Но, к сожалению, не успел. А жаль. «Отчий дом» написан на высоком профессиональном уровне. Интересен. В нём автор точно и с глубоким знанием детской души и психологии прописал главного героя и его товарищей, взрослых, их взаимоотношения...

⁸⁸ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

⁸⁹ С оригинала из личного архива Шнайдера В. А.

И, как всегда, удивительно точные, ёмкие образы: «На своего отца Шурка похож, как шмель на шмеля». Или вот Славка рассматривает портрет своего отца: «Со стены отец глядел как живой: заломленная набок папаха, с поперечной полосой, усы, не такие, правда, как у Семёна Михайловича Будённого, но тоже ничего себе, белый полушубок, крест-накрест перехлёстнутый ремнями, наган, шапка, сапоги блестят, как крышка рояля». Стопроцентное попадание. А так описаны размышления Славки о переживаниях матери: «Но вот когда она ни с того ни с сего заливается слезами, поглаживая ладошкой диван, кресла, стол и вообще всяческую ерундовину, проданную людям, с которыми Залесовы меняются квартирами, это уже ни в какие ворота не лезет. Из-за мебели слёзы лить — извини — подвинься...».

А вот ещё: «Шурка стал командовать. Славка завозился под поклажей. Наверное, Шурка там что-то не так сделал, потому что узел накатился Славке на голову и прижал нос к полу. Стало тяжело дышать...». Такое придумать сложно. Чтобы так описать ситуацию, нужно самому в ней побывать.

«Отчий дом» зажил самостоятельной жизнью, а Виктор Николаевич тем временем готовил новый труд — «Страна Цезерония». По неизвестным сейчас причинам путь повести от писательского стола до типографского станка был тернист и долог. В издательство рукопись попала в начале 1986 года, а подписана в печать только в сентябре 1988-го. Кто был первым рецензентом повести, установить не удалось, а вторым стал Иван Березюк. Его работа датирована 15 марта 1986 года. Автор отметил достоинства произведения и указал на ряд недостатков, которые легко устранить. Завершает И. Березюк такими словами: «В заключение несколько слов по поводу карандашных пометок на полях рукописи... На месте автора отнёсся бы к ним с должным вниманием. Там есть и рациональные зёрна. Но, как и всегда в подобных случаях... не обошлось без субъективистского произвола, сиречь вкусовщины. На стр. 43 напрасно... вычеркнут повторный портрет щенка. В повторе — своя худ. задача, свой смысл. Вряд ли оправдано неприятие начала

XIII главы. Иной вопрос — подсократить бы. На стр. 157 вычеркнуты всего две строки, но и картинка сразу побледнела, и «пудового взора» жалко.

Итак, нет вопроса: издавать или не издавать?

Конечно, издавать».⁹⁰

Казалось бы, вопрос решён. Автор должен был поработать над замечаниями, далее редакторская работа и — в печать. Но после доработки рукопись попадает ещё к одному рецензенту — В. Башунову. С самого начала появляется чувство, что критик относится предвзято не только к произведению, но и к автору. И на седьмой странице это подтверждается: *«Зная из общих писательских обсуждений требовательное, даже ревнивое отношение Виктора Попова к точной бытовой детали... можно только озадачиться, почему оно не сработало в его собственной повести...»*.⁹¹ После этого стало понятно, что здесь что-то личное. Не иначе как самому В. Башунову когда-то досталось от Виктора Николаевича, и теперь его рукой водит коварная месть. Дальше — ещё прозрачнее: *«По-моему, повесть устарела, устарела по своему духу. Чем она может привлечь читателя? Да ещё — подросткового возраста... если молча издать в таком состоянии, то надо прекратить в издательско-писательской среде всякие разговоры о перестройке»*.

В январе 1988 года отрицательное редакторское заключение на повесть дал и главный редактор книжного издательства Ю. Егоров.

Иной человек опустил бы руки и убрал рукопись в стол, но такое не в характере Виктора Николаевича. Те замечания, с которыми он согласился, устранил, а что считал правильным — отстоял, и в ноябре книга вышла к читателям.

Любые передраги, как правило, отнимают массу времени, вышибают из рабочего состояния — особенно творческих людей. Но исключения есть всегда и во всём. Виктор Николаевич как раз и был таким исключением. Пробивая

⁹⁰ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

⁹¹ Рецензия из личного архива Шнайдера В. А.

издание повести «Страна Цезерония», он, невзирая на невзвозную ситуацию, трудился над новой повестью «Перевал «Подумай». Колымская тема была ему хорошо знакома, а потому работа шла споро. Сюжет, образы, характеры интересны, живы. Есть произведения, которым веришь, — это высокая оценка. Но есть произведения (их очень мало), в которых живёшь вместе с героями, — это наивысшая оценка. «Перевал «Подумай» заслуживает наивысшей оценки. Его публикация состоялась в первом номере альманаха «Алтай» в 1990 году. Отметим, что именно с этого года альманах «Алтай» стал журналом и издавался 6 номеров в год.

В следующем году во втором номере «Алтая» опубликовали продолжение Колымского цикла — рассказ «Свобода».

В 1991-м за повесть «Перевал «Подумай» Виктор Николаевич получил первую премию редколлегии журнала «Алтай» и Алтайского книжного издательства за произведения, опубликованные в журнале в 1990 году. Тогда на Алтае бытовала добрая традиция — произведения, удостоенные премии журнала «Алтай», издавать отдельной книгой. Эти книги печатались как приложение к журналу, и таким образом год за годом создавалась целая серия. В этой серии и была издана последняя книга Виктора Николаевича «Перевал «Подумай» в конце 1991 года. Тираж, к сожалению, небольшой — двадцать тысяч. Но, тем не менее, книга к юбилею, до которого оставалось полгода, была хорошим подарком.

Колымской темы в творческом багаже Виктора Николаевича вообще могло не быть. И он сам об этом писал: *«Шли себе годы и шли. Затухивывалась острота восприятия, менялись времена. Появились жуткие рассказы Варлама Шаламова, Льва Разгона, «Чёрные камни» Анатолия Жигулина... Вовсе у меня пропало желание вспоминать о гулаговском острове, называвшемся Колымой, хотя в лагерном архипелаге он и был самым огромным. Записи и дневники северных своих времён сунул в дальний ящик и не чаял когда-нибудь снова его выдвинуть...»*.⁹²

Но помните, мы говорили о том, что писатель не прекращает работу даже тогда, когда встаёт из-за письмен-

ного стола? Он мысленно создаёт образы, «лепит» героев, плетёт сюжеты, придумывает коллизии. И, хоть и задвинутая на задворки сознания, Кольма не думала оставлять Виктора Николаевича в покое. Такие мощные впечатления, да ещё полученные в молодые годы, да человеком, бредившим литературой — как могли они остаться под спудом? Нужен был только намёк, знак. И он случился.

А произошло это так: *«Как-то с Игорем Пантюховым ехали мы в Рубцовск на встречу с читателями. Говорили о том, о сём, больше — о пустяках... Внезапно Игорь (он уже не в первый раз затевал этот разговор) поинтересовался:*

— Ты что, старик, так и не хочешь разрабатывать жилу?

— *Пойми ты, Игорюха, это давно не жила. Полигон так тщательно обработали, что старательской артели там делать нечего.*

Я перечислил большие имена, но Игорь возразил:

— *Кольма — не только лагеря...»*⁹³

Задел этот разговор в душе Виктора Попова что-то такое, что заставило его выдвинуть дальний ящик стола, вытащить записки и дневники северных времён и засесть над ними.

Кольма Кольмой, но и любимой рыбацкой темы Виктор Николаевич не оставлял. В шестом номере того же 1991 года в «Алтае» был напечатан рассказ из рыбацких историй «Ветер осенний». Сюжет, динамика, характеры... Впрочем, рассказывать не будем, найдите и уже в самом начале прочтёте: *«Середина августа только, а природа будто выхватила из календаря октябрьскую кутерьму, вымокишую, продутую недобрými ветрами»*. Фраза не очень пространная, но какую широкоформатную картину видишь!

Юбилей... Каждый относится к нему по-своему. Кто-то рад, кто-то равнодушен, но есть и такие, которые встречают его с грустинкой. Виктор Николаевич встретил свой

⁹² Журнал «Алтай». №N^о 3–4, 1997 г.

⁹³ Там же.

юбилей ровно. Впрочем, как и все предыдущие. Получил поздравления, накрыл стол, встретил гостей. Для сохранения исторической правды укажем: официальные поздравления поступили от собратьев по перу и комитета администрации Алтайского края по культуре. Неофициальные от друзей из Ленинграда, Москвы, Казахстана, Новосибирска, Омска и многих других городов.

В пятом номере журнала «Алтай» за 1992 год была опубликована статья О. Гришко-Юровской «Свечу в душе не погасив...» с подзаголовком «Штрихи к портрету писателя В. Н. Попова». По-дружески тёплая, душевная, она, скорее, похожа на рассказ о близком человеке, нежели на юбилейную «обязаловку».

«Учитель был всегда рядом и доступен, когда к нему можно было нагреть в поздний час, чтоб прочесть новую главку или хотя бы одну-единственную, трудно давиющую страницу, а то и на собственный день рождения и собственную свадьбу, потому как своего угла нет, а если и есть — у Поповых лучше!»

Теперь у многих его учеников и просто товарищей личные обжитые квартиры. Без его помощи стали выходить книги, приниматься решения. И только Виктор Николаевич не изменился ни на капельку, потому как он — Величина постоянная.

Такие слова мог сказать только настоящий друг.

Кстати, о штрихах к портрету. Добавим пару воспоминаний, касающихся силы воли и данного слова. Как мы говорили, Попов прекрасно играл в шахматы. Об этом знали многие, но только близкие знали, что Виктор Николаевич был блестящим преферансистом. Не то чтобы это как-то скрывалось, просто его никто не видел за игрой. А случилось вот что. Было время, когда молодая, прямо скажем, бедствовавшая семья Поповых даже жила на картёжные выигрыши. Но когда Виктор понял, что игра отнимает его у литературы, он бросил преферанс. В один день решил, бросил и больше за стол не садился. Не потому, что боялся сорваться. Просто ему это стало неинтересно.

Другая история из такого же разряда: решил — и бросил. Курильщик он был заядлый. Бывали дни, когда в день

выкуривал до двух пачек. Но в один назовём его прекрасный день понял, что становится рабом привычки, и отказался от сигарет. Отдал Зое Михайловне пачку и сказал, что рабство не для него. В этой истории не то удивительно, что бросил — эка невидаль, многие бросают. А то, что потом он иногда курил. Но редко, и только когда сам захочет: под футбольный матч по телевизору, на рыбалке иной раз. Случалось, месяцами не затягивался. Как для кого, а нам кажется, за этим стоит не простая сила воли, а особенная. Может, даже сила духа.

Период творчества Виктора Николаевича с 1992 года по 1999-й, на первый взгляд, не отмечен ничем примечательным. Это был период всеобщего затишья в издательской деятельности на Алтае. Многие, наверное, помнят, когда на предприятиях месяцами не выдавалась зарплата. Даже у такого плодовитого писателя, как М. Юдалевич, и то были изданы всего две книги. У поэта В. Башунова, к примеру, разрыв с 1991 по 1998.

Погрузившись в колымские воспоминания, Виктор Николаевич работал над новым циклом до 1997 года. И тогда в двукратном номере, вышедшем в конце июля, была напечатана повесть в рассказах «Колыма. Нелагерная тема». В предисловии Виктор Николаевич написал: *«Здесь и миниатюры, и рассказы, в общем, воспоминания. Кое-что опубликовано в журнале «Алтай», в массе же читателю незнакомо. Почему я предлагаю вкраплениями уже опубликованное? Потому что оно ложится в строку и является мостиком между сказанным и недосказанным...»*.

В 1997 году Виктор Николаевич отметил своё 75-летие. Как обычно — скромно. В самом начале года — 9 января — интервью с писателем опубликовал «Вечерний Барнаул», а 30 мая газета «Алтайская правда».

Благодарственное письмо юбиляру вручил глава администрации города Барнаула Владимир Николаевич Баварин. Глава администрации Алтайского края А. А. Суриков *«За многолетний добросовестный труд, успехи в области*

литературы и в связи с 75-летием со дня рождения» наградил Виктора Николаевича Почётной грамотой.⁹⁴

В 1998 году по инициативе Алтайской писательской организации был выпущен первый (справочный) том библиотеки «Писатели Алтая». В нём два рассказа В. Попова — «Дурной глаз» из рыбацкого цикла и «Славка переезжает». Сюжет второго рассказа имеет некоторое сходство со второй и третьей главами романа «Отчий дом», но по сути — новый. Тема романа «Отчий дом» ещё была не полностью разработана, и автор, видимо, продолжал до последнего дня работать над второй книгой о Славке Залесове.

В том же году в журнале «Алтай» № 2 Игорь Пантюхов опубликовал стихотворение, посвящённое Виктору Попову, «По шкале надёжности». В своём произведении поэт... Впрочем, не будем говорить, что поэт подчеркнул и что хотел сказать, лучше прочтите сами:

По шкале надёжности

Виктору Попову

Говорят — угловат,
 говорят — неудобен,
И порой, говорят,
 слишком груб и упрям,
Ну, а если бильярдному шару подобен, —
Это лучше?
 Удобней?
 Привычнее вам?
Чтобы так вот
 катиться, куда вам хочется,
Не оставив следа на зелёном сукне.
И не надо совсем ему имени-отчества,
 Разве — номер какой написать на спине.
Было!
 Было уже.
 Бессловесные «винтики»,
Помня имя одно наяву и во сне,

⁹⁴ Постановление администрации Алтайского края от 28.05.1997 г. № 317 .

О себе позабывшие Гарики, Витики
«Смерть фашистам!» — варили огнём на броне.
Но настал светлый час,
и вздохнула устало,
Поправляя венки на могилах, страна.
На граните своею рукой начертала
Нетускнеющим золотом их имена.
И сегодня,
и впредь поверять себя ими нам
И учиться идти не теченьем, а встреч!
И всегда,
неотступно гордясь своим именем,
Незапятнанным имя чужое беречь.
И стараться не ранить друзей
по возможности, —
Рана в сердце у друга — не вдруг заживёт...
По шкале доброты, по мерилу надёжности
Кто тебя в проверке своим назовёт?
Жизнь — мы знаем —
по-всякому может составиться:
То — на взлёт ты идёшь,
то — колёса в раскат.
Можешь в штопор уйти,
можешь тихо состариться, —
Я тебя не оставляю,
я — рядом, мой брат!
Да, порой ты упряма,
угловат,
неудобен,
Но не кресло же ты,
не диван, чёрт возьми!
Ты себе самому неизменно подобен.
Это — главное.
Будем же, люди, людьми!

12 апреля 1999 года Виктора Николаевича не стало...
Похоронен писатель на Черницком кладбище Барна-
ула в седьмом квартале.

В Барнауле 2 ноября 2010 года на ул. Шевченко, 52А, где Виктор Николаевич жил с февраля 1965 года, по инициативе писателя В. А. Шнайдера, при содействии Алтайского краевого общественного фонда изучения истории Западной Сибири установлена мемориальная доска.

За долгую литературную жизнь у Виктора Николаевича было много достойных учеников — Евгений Гущин, Константин Сомов, Иван Семоненков, Владимир Марченко и многие другие. Есть и такие, кто учился и учится по его произведениям по сей день. Кому-то он помог простым добрым советом, направив творчество в нужное русло. Многие его ученики как писатели достигли заслуженного общественного признания — в их честь проводятся чтения, литературные конкурсы, вечера. Всё верно. Так и должно быть.

Но хочется напомнить, что общество или организация, чтящая учеников, но не хранящая память об учителях, рано или поздно утратит свою историю, а вместе с ней и способность жить.

Творчество Виктора Николаевича Попова — это плодородный пласт, на котором возрастёт ещё не одно поколение смелых, честных, трудолюбивых патриотов прекрасного Алтайского края и могучей страны. Литературно-публицистическое, эпистолярное и рецензентское наследие его можно сравнить с огромными природными богатствами, которые до поры до времени скрыты от общего пользования, но имеют великое духовное значение. Пройдёт время, исследователи достанут всё это, изучат и как настоящую национальную ценность сделают достоянием народа.

Виктор Николаевич Попов — составитель.⁹⁵

• Дорога в жизнь: сборник статей о профессиях, учебных заведениях, промышленных предприятиях г. Барнаула. — Барнаул, 1968.

⁹⁵ Перечень не является полным.

- Журавлиное лето: сборник повестей и рассказов молодых авторов. — Барнаул, 1976.
- Сборник произведений молодых писателей Алтая. — Барнаул, 1993.

Виктор Николаевич Попов — редактор:⁹⁶

- И. Кожевников: Утро моей жизни: повесть. — Барнаул, 1958.
- А. Баздырев: Конец Нахаловки: повесть. — Барнаул, 1958.
- Б. Кауров: Городок на целине: стихи для младшего школьного возраста. — Барнаул, 1959.
- А. Баздырев: Илька приехал в Крутояр: повесть. — Барнаул, 1961.
- Твёрдой поступью: Очерк о людях третьего года семилетки. — Барнаул, 1962.
- И. Меликов: Степные рыцари: очерки. — Барнаул, 1962.
- Преображенный Алтай. Документальная книга к 30-летию края. — Барнаул, 1967.
- А. Тресков: На Чарыше: повесть. — Барнаул, 1969.
- М. Длуговской: Ветры над Бией. — Барнаул, 1971.
- И. Жолобов: За линией фронта — тоже война. — Барнаул, 1972.
- А. Суханов: Явка и пароль прежние: документальная повесть. — Барнаул, 1973.
- В сабельном походе: сборник воспоминаний ветеранов 15-й гвардейской кавалерийской дивизии. — Барнаул, 1974.
- И. Жолобов: На Немане ждут своих. — Барнаул, 1975.
- И. Олиферовский: Степные берёзы: документальные очерки. — Барнаул, 1976.
- М. Кулин: Они были первыми: документальное повествование. — Барнаул, 1976.
- В. Гредель: Пытливая юность: повесть. — Барнаул, 1978.
- И. Жолобов: Тропы разведчиков. — Барнаул, 1978.
- М. Коробченко: Партизанские были: воспоминания о жизни алтайских партизан. — Барнаул, 1979.
- Целина продолжается: сборник очерков, статей, воспоминаний. — Барнаул, 1981.

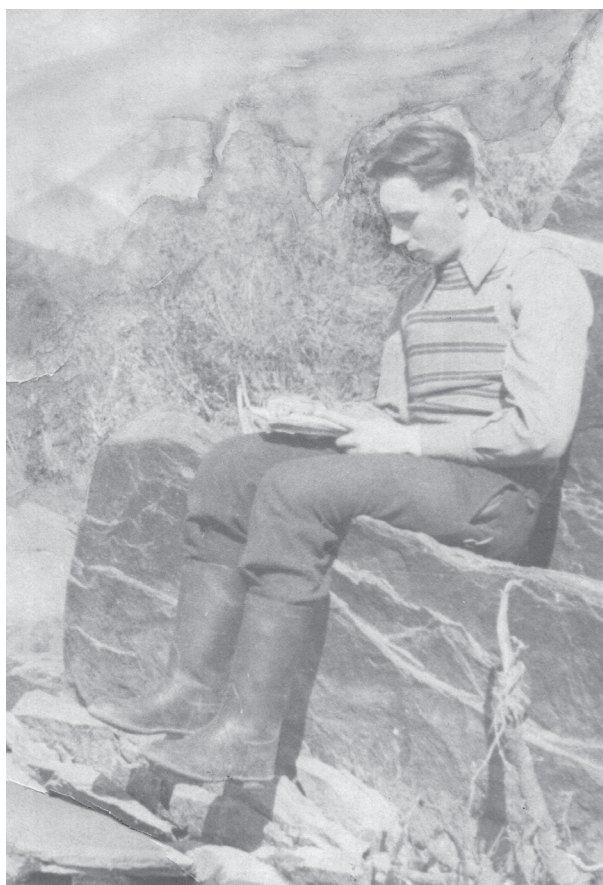
⁹⁶ Там же.

Маргарита Андреевна, мама В. Н. Попова, 1904 год

В. Н. Попов в центре

Колыма. В. Н. Попов за работой

В. Н. Попов справа

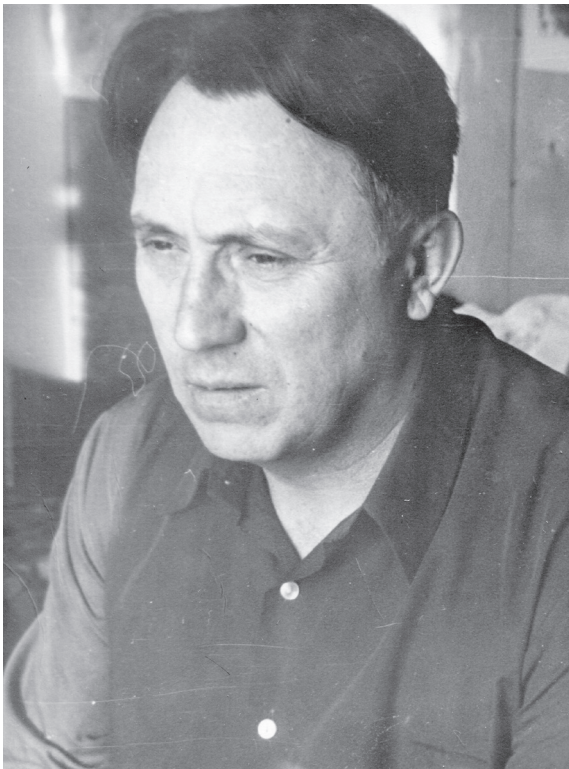
В. Н. Попов в поисках хорошей волны

В. Н. Попов любил прокатиться с ветерком

В. Н. Попов с супругой З. М. Александровой на озере Телецком. 1968 год

Душа обязана трудиться и день, и ночь...

*В. Н. Попов в центре, слева от него Е. Г. Гуцин.
Семинар молодых писателей*

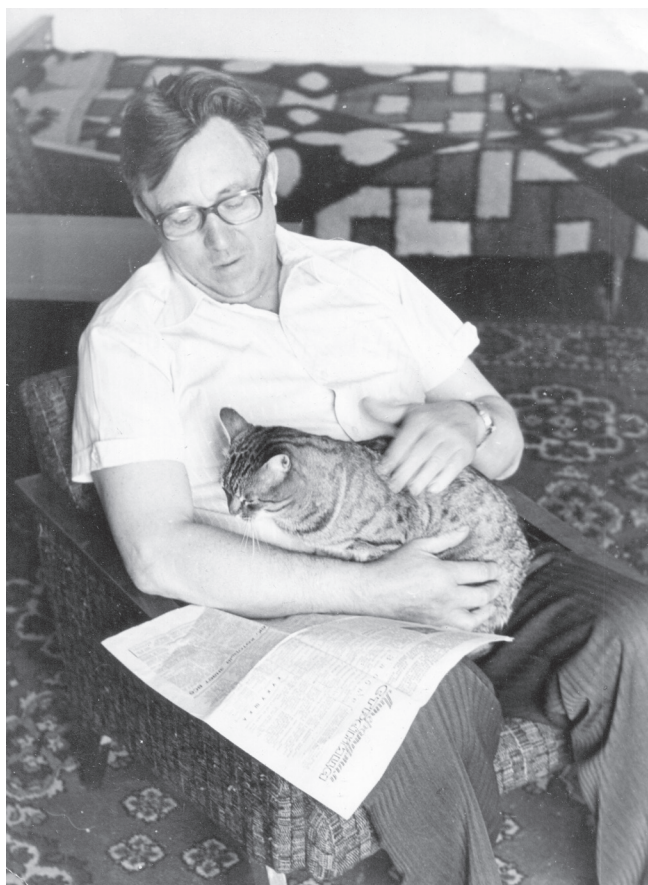
*На природе, у реки он не только отдыхал и ловил рыбу,
но обдумывал новые произведения...*

Мысли на природе светлые, чистые...

Заседание совета. В. Н. Попов в центре

1982 год. И с котом есть о чём поговорить

В свободное от творчества время можно и столярничать

С давним другом И. М. Пантюховым (справа)

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АЛТАЙСКАЯ КРАЕВАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
КОМИТЕТ АДМИНИСТРАЦИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ПО КУЛЬТУРЕ

ДИПЛОМ

Лауреата премии литературного
конкурса им. В. М. Шукшина
присуждается

ПОПОВУ ВИКТОРУ НИКОЛАЕВИЧУ

за книгу очерков о людях Алтая
"Свадебный подарок".

Комиссия по Шукшинским премиям:

А. Колесников
С. Степанов
В. Шукшин

Заслуженная награда

Шнайдер Владимир

Шнайдер Герман

Книжная серия «Имена Алтая»

выпуск четвёртый

Виктор Попов

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Корректор: Ю. Конькова

Верстка: И. Климашина

Подписано в печать 00.03.2017 г.

Формат 1080×840/32. Тираж 500 экз. Заказ 0000.

Отпечатано в типографии

ОАО «Алтайский дом печати»

656043, г. Барнаул, ул. Большая Олонская, 28

тел.: 8 (3852) 63-79-71

adp@adp.alt.ru